

ЧАРЛЬЗ МАССОН

ПОВЕСТВОВАНИЕ
О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО БЕЛУДЖИСТАНУ,
АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ

включая пребывание в этих странах
в 1826–1838 годах

ТОМ I

Путевые записки XIX века

Чарльз Массон

**Повествование о различных
путешествиях по Белуджистану,
Афганистану и Пенджабу. Том I**

«Автор»

2026

Массон Ч.

Повествование о различных путешествиях по Белуджистану, Афганистану и Пенджабу. Том I / Ч. Массон — «Автор», 2026

В 1-м томе своих путевых записок Чарльз Массон описывает странствия по Белуджистану, Афганистану, Синду и Пенджабу. Путешествуя в одиночку и часто выдавая себя за человека Востока, он проходит через Калат, Кандагар, Газни, Кабул, Боланский проход, Шикарпур, Хайдарабад и Лахор. Он подробно рассказывает о дорогах, городах и древних памятниках, обычаях и верованиях белуджей, афганцев, синдцев и сикхов, торговле, земледелии и повседневной жизни. Особое место занимают политическая борьба афганских правителей, характеристика Дост Мухаммед-хана и устройство его владений, а также описание государства Ранджит Сингха, его армии, управления и самого сикхского общества. Автор заметок Чарльз Массон, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Массон Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I.	16
ГЛАВА II.	22
ГЛАВА III.	27
ГЛАВА IV.	33
ГЛАВА V.	39
ГЛАВА VI.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Чарльз Массон

Повествование о различных путешествиях по Белуджистану, Афганистану и Пенджабу. Том I

ВИД ДЖЕЛАЛАБАДА С ЮГА.

По рисунку Чарльза Массона. Лондон: Richard Bentley, New Burlington Street, 1842.

РАССКАЗ О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ ПО БЕЛУДЖИСТАНУ, АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ;

ВКЛЮЧАЯ ПРЕБЫВАНИЕ В ЭТИХ СТРАНАХ С 1826 ПО 1838 ГОД.

ЧАРЛЬЗ МАССОН, ЭСКВАЙР.

В ТРЁХ ТОМАХ. ТОМ I.

ЛОНДОН: RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET,

издатель Её Величества. 1842.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно надеяться, что печальный интерес, который события придали странам, лежащим по берегам Инда, послужит оправданием публикации этих томов.

Если сообщаемые сведения увеличат уже накопленный запас знаний, мои труды, быть может, окажутся ни несвоевременными, ни бесполезными. Отчёты о нескольких путешествиях и прочем, совершённых до 1831 года и ничем существенным не отличавшиеся от тех, что теперь предлагаются читателю, попали в правительственные учреждения как в Индии, так и в Англии. В ходе этого труда я выражал сожаление, что так случилось, но лишь из опасения, что

ими могли воспользоваться для корыстных замыслов ловких и расчётливых людей, — цели, ради которой они, безусловно, никогда не писались.

Покойный сэр Александр Бёрнс в письме от 9 марта 1836 года писал мне: «В течение последних нескольких лет я часто пересекал Ваш путь и никогда не делал этого без того, чтобы впечатление, сложившееся у меня о Ваших способностях, Вашей чести и Вашем усердии, не укрепилось». Я привожу этот отрывок лишь для того, чтобы показать, что, хотя сэр Александр мог в частном письме признать, что он «часто пересекал мой путь и т. д.», в отношении собственных притязаний ему было неудобно столь же открыто признать это публично; и у меня имеется письмо из Англии, сообщающее, что мои бумаги в Ост-Индском доме считались ценными как «подтверждающие точность утверждений капитана Бёрнса». Из дальнейшего будет видно, что я не был причастен к тем безумным проектам, которые, по-видимому, с самого начала завладели умом этого несчастного офицера и которые главным образом благодаря ему правительство принялось осуществлять, хотя, как всем известно, результаты оказались для него гибельными, а для самого Бёрнса — смертельными.

В заключительных главах третьего тома я вкратце упомянул торговую миссию капитана Бёрнса 1837–1838 годов. Быть может, я сказал достаточно, чтобы дать о ней представление; сказать больше было бы тягостно. Покойному доктору Лорду лорд Окленд поручил написать её историю. По-видимому, сгладить столь вопиющий провал оказалось выше его сил, и задача, за которую он опрометчиво взялся, была в отчаянии оставлена.

Я также упомянул о чести, оказанной мне сэром Джоном Хобхаусом, причислившим меня к защитникам политики лорда Окленда. Отказываясь от этой чести, я надеюсь, что, хотя и кратко, всё же достаточно ясно показал, что не имею на неё права. Немногие замечания, сделанные мной по этому поводу, я писал, имея перед глазами речь сэра Джона в том виде, в каком она была напечатана в «Times». Теперь у меня есть опубликованный текст речи, которым, судя уже по самому факту его публикации, бывший министр, полагаю, гордится. В «Times» мне приписаны слова: «Что касается недавних попыток шаха Суджи, едва ли можно сомневаться, что, если бы с ним отправился хотя бы один британский офицер — лишь в качестве докладчика генерал-губернатору о ходе его действий, — одного его присутствия было бы достаточно для восстановления шаха». Нет сомнения, что эти замечания были сделаны мной в 1835 или 1836 году по какому-то случаю и что корреспондент «Times» не мог их выдумать; следовательно, можно предположить, что их процитировал сэр Джон Хобхаус, хотя в опубликованной версии речи они опущены.

В Кабуле существовало общее мнение, что, если бы в 1834 году шаха сопровождал всего один британский офицер, он добился бы успеха, и я понимал, что в этом была доля истины. Один британский офицер мог бы сделать столько же и в 1838 году; и я сомневаюсь, что, если бы восстановление шаха было поручено сэру Александру Бёрнсу, его сопровождало бы больше одного-двух полков, которые он считал необходимыми; но когда секретарь Макнотен воспылил желанием приобрести славу и жить в роскоши в Кабуле, было решено отправить огромную армию, совершенно ненужную и столь же способствовавшую последующим бедствиям, как и неспособность тех, кто ею руководил, ибо в руках людей более умелых этот опыт также мог оказаться роковым.

Здесь я могу оспорить распространённое мнение, будто шах Суджа был непопулярен среди своих афганцев. Его жизненный путь доказывает обратное. Не раз, располагая ничтожными средствами и ресурсами, он умел собирать вокруг себя тысячи людей и, хотя из-за собственной нерешительности обычно терпел неудачу, не утратил этой способности до тех пор, пока британцы не уничтожили её за него. Среди несчастий, воспоминание о которых до сих пор вызывает у нас ужас, никто не заслуживал большего сострадания, чем шах, ибо едва ли кого-либо можно было поставить в более опасное и двусмысленное положение. Перед отъездом из Ферозпура он заметил, что сознаёт: навсегда приобретёт «badnam», дурное имя, но зато

снова увидит Кабул. Не было причин, по которым изгнанный принц должен был лишиться своей репутации. Один британский офицер или даже один-два полка могли бы её не повредить. Посланник и министр со своим воинством погубили её. Афганцы не возражали против брака, им не понравился способ сватовства.

Даже после вступления шаха в Кабул, если бы армия отступила в соответствии с Симлской прокламацией, он всё ещё мог бы там царствовать; но это не соответствовало обнаружившимся к тому времени намерениям правительства. Было признано необходимым остаться, чтобы удерживать его на престоле. Если бы он осмелился, он сам просил бы избавить его от такой помощи.

Несчастье естественно вызывает сострадание, и оно было проявлено к Дост Мухаммед-хану, которого, как ни странно, в противоположность шаху считали популярным, хотя на самом деле это было не так. Брошенный своей армией у Арганди, он без борьбы обратился в бегство. Когда стало ясно, что британские войска не уходят, и вызванное этим недовольство распространилось среди населения страны, он попытался этим воспользоваться и явился в Бамиан — для чего? чтобы быть отброшенным, а затем оставленным союзниками. Он вновь появился в Кохистане, но лишь затем, чтобы сдаться.

В опубликованной речи сэра Джона Хобхауса мои взгляды приводятся как переданные сэром Клодом Уэйдом. Я полагаю, что последнему было бы невозможно действовать прямо и открыто. Иначе он мог бы указать, что такие мнения были высказаны в 1835 или 1836 году и могли быть неприменимы к положению дел в 1838 году. Однако сэр Джон Хобхаус располагал моей собственной рекомендацией, написанной в ответ секретарю Макнотену, о необходимости восстановления шаха Суджи, но предпочёл её не замечать, возможно потому, что в ней не было ни слова о замыслах Персии и России и восстановление предлагалось ради сокращения расходов и потерь человеческих жизней, а не ради умножения и тех и других.

В своих замечаниях о миссии капитана Бёрнса я старался показать, что первопричиной её неудачи было пренебрежение пешаварским вопросом. По этому предмету у меня всегда было лишь одно мнение. В речи мистера Бейли от 23 июня я с удивлением увидел цитату из депеши капитана Бёрнса мистеру Макнотену, написанной всего за день до ухода миссии из Кабула, и привожу её здесь потому, что, хотя мне было известно об упомянутой встрече, я никогда не знал, что на ней происходило, кроме того, что сам капитан Бёрнс сказал мне, будто отверг все сделанные ему предложения. Она также вполне подтверждает правильность моих взглядов и, думаю, довольно ясно показывает и то, насколько легко можно было уладить наши дела в Кабуле, и то, насколько грубо капитан Бёрнс позволил вводить себя в заблуждение с самого начала, одновременно объясняя смысл всех разнообразных уловок, пущенных в ход, чтобы «взбодуражить ум Сикандера Бёрнса».

«25-го я вновь принял визит сардара Мехер Дил-хана, которого сопровождали наваб Джабар-хан, мирза Сами-хан и наибы Кандагара и Кабула; депутация была официальной и представляла обе ветви семьи. Сардар теперь сообщил мне, что эмир согласился удалить капитана Виковича, прекратить всякое дальнейшее общение с другими державами и написать шаху Персии, что навсегда порывает с Его Величеством. Сардары Кандагара, со своей стороны, согласились обратиться к шаху, отозвать Уллахдада, агента, сопровождавшего Камбар Али, и вместе со своим братом, эмиром, полностью отдаться под защиту британского правительства; взамен они требовали от него двух вещей: во-первых, прямого обещания содействовать установлению мира в Пешаваре и улучшению положения Султан Мухаммед-хана; и, во-вторых, столь же прямого обещания защитить их от Персии тем способом, какой британцы сочтут наилучшим для их интересов, причём ясно подразумевалось, что Кандагару не будет позволено понести ущерб».

Я легко могу представить, что капитан Бёрнс по многим причинам скрыл бы от меня предложения, сделанные на этой встрече; ибо, несомненно, если бы я знал о них и о том, что

даже в последний час вожди одумались, мне, возможно, не пришлось бы выполнять неприятную обязанность рекомендовать их смещение, исходя из убеждения, что они упорно отвергают всякое соглашение. Вожди Баракзаев пострадали от ошибок капитана Бёрнса не меньше, чем от собственных. Что приобрёл капитан Бёрнс, мы все знаем.

Остаётся надеяться, что здравый смысл британской нации никогда более не позволит столь же легкомысленно задумывать и столь же безрассудно проводить экспедиции, подобные походу за Инд, и что опыт, приобретённый в бедствиях, будет употреблён с пользой для передачи управления индийскими делами в руки, весьма отличные от рук тех, кто столь умышленно злоупотреблял вверенной ему властью и чьи опрометчивость и безрассудство, втянувшие страну в войны, губительные для её репутации, ещё могут быть наказаны.

Безопасность и процветание индийских владений слишком тесно связаны с безопасностью и процветанием Великобритании, чтобы можно было вновь позволить министру или министрам короны либо генерал-губернатору подвергать их опасности или предоставить им власть начинать наступательные войны под ничтожными или вымышленными предлогами, причём войны без согласия палат парламента, одобрения Тайного совета и, насколько нам известно, даже без ведома монарха. Если подобные нарушения останутся без внимания, нация заслужит бедствия, которые сама на себя навлечёт, и перестанет быть свободной.

Существует много общих сведений об Афганистане и его жителях, которые я не смог включить в настоящий труд, хотя, возможно, впоследствии постараюсь восполнить этот недостаток. Когда я пожаловался другу, что ограниченный объём заставляет меня опустить многое из того, что мне хотелось бы отметить, он сказал: «Надеюсь, вы рассказали нам, кто такие афганцы». Я этого не сделал, однако вопрос был настолько уместен, что пользуюсь Предисловием, чтобы дать на него хотя бы несовершенный ответ.

Название «афган», признаваемое множеством племён, говорящих на одном наречии — пушту, или афганском, — не имеет известного значения и, очевидно, носится многими народами весьма различного происхождения. Однако существуют несколько отчётливо различных групп, такие как дурани, гильзаи, джаджи и тури; племена юсуфзаев, хайбарцы, вазири и племена Сулейманова хребта и т. д. Среди этих народов трудно сказать, кому первоначально принадлежало имя афганов. Что касается их происхождения, мы можем обратиться к различным преданиям, сохранившимся ими самими или историками, упоминавшими их, а также к иным обстоятельствам.

Дурани известны и в Индии, и в Персии под названием абдали, или авдали, — это форма множественного числа, — и, когда мы обнаруживаем, что белые гунны древней истории, эфталиты классических авторов, у армянских авторов назывались хепталами, можно предположить, что абдали, или современные дурани, суть не кто иные, как потомки этого могущественного народа. Сиапош-кафиры помнят, что их предки были вытеснены с равнин в свои горы одалами — словом, которым они и ныне называют жителей низменностей.

Гильзаи, несомненно, являются тюркским племенем — халджи, или халаджи, Шерифа-дина и других восточных авторов.

Феришта отмечает предание, согласно которому афганцы происходили от коптов войска фараона. Любопытно, что джаджи в историях Тимура называются *Kart Jájí*, что, по-видимому, указывает на связь именно с этим преданием; не менее несомненно и то, что черты их лиц в точности сходны с чертами коптских жителей Каира.

Другое предание описывает афганцев как потомков евреев, сопровождавших войско Валида, полководца халифов. Возможно, это относится к хайбарским племенам, живущим в местности, которой они дали имя крепости или позиции в Аравии, и носящим локоны способом, обычным у восточных евреев, так что один из последних, увидев их, без колебаний признаёт в них людей своего племени.

Среди племён юсуфзаев есть многие, которых почти с уверенностью можно считать родственными раджпутским племенам Индии и, следовательно, подобно им происходящими от гетских завоевателей этой части света, ниспровергших греко-бактрийскую монархию.

Вазири и другие горные племена, занимающие Сулейманов хребет, или Хайса-гар, живут в той области, которую весьма распространённое убеждение считает местопребыванием подлинных афганских племён; действительно, они находятся там, где мусульманские вторжения впервые сделали это имя известным, и их права считаются настоящими афганцами, быть может, основательнее, чем у любых других племён.

Введение мусульманской веры с её легендами и преданиями побудило всех афганцев притязать на происхождение от еврейских патриархов и царей, — родословную, обязанную, однако, лишь их тщеславию и не требующую слишком серьёзного рассмотрения.

В другом смысле они утверждают, что все они Бен Исраэль, или дети Израиля, что означает лишь, что они не язычники; ибо и христиан, хотя те не признают их пророка, и шиитов, которых они поносят как еретиков, они, наравне с собой, считают Бен Исраэль, тогда как индусов, китайцев и всех идолопоклонников исключают.

ЛОНДОН,

1 августа 1842 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА

ГЛАВА I. 1

Прибытие в Бахавалпур. — Приятная перемена. — Желание хана увидеть меня. — Хан Мухаммед. — Его беседы. — Меня подозревают в том, что я эльчи. — Отъезд в Ахмедпур. — Страна между Бахавалпуром и Ахмедпуром. — Прибытие в Ахмедпур. — Бахиши Мухаммед-хан. — Со мной обращаются как с государственным гостем. — Рахмат-хан. — Его история. — Хан посещает Ахмедпур и возвращается в Даравал. — Бахиши и его приёмы. — Приглашение поступить на службу. — Лихорадка. — Врачи хана. — Отъезд в Аллахабад. — Варни. — Вид Аллахабада. — Охотничьи павильоны хана. — Удачная встреча. — Врачи Аллахабада и их средства. — Лихорадка проходит. — Салам-хан. — Возвращение в Ахмедпур. — Бахиши противится встрече с ханом. — Мне отказывают во входе во дворец хана. — Человечный поступок Мути Рама. — Случайная встреча с ханом. — Беседа с бахиши и предложение военной службы. — Аудиенция у хана. — Денежный подарок. — Разрешение уехать.

ГЛАВА II. БАХАВАЛПУР. 13

Границы. — Протяжённость. — Различия почвы и проч. — Домашние животные и проч. — Города. — Бахавалпур. — Большой Ахмедпур. — Уч. — Ханпур. — Малый Ахмедпур. — Гуджугар-Валла и проч. — Пуларах. — Муруд. — Моз-Гар. — Гудиана. — Даравал. — Фазилпур. — Военная сила. — Доход. — Даудпуртры. — Бахавал-хан. — Садат-хан. — Бахавал-хан.

ГЛАВА III. 22

Отъезд из Ахмедпура. — Страна между Ахмедпуром и Индом. — Инд. — Дера-Гази-хан. — Рождество. — Отъезд из Дера-Гази-хана. — Армия Бахавалпура. — Прибытие к границе Санг-Гара. — Тревога в лагере. — Прибытие в Санг-Гар. — Ассад-хан. — Санг-Гар. — Доход Ассад-хана. — Его храбрость. — Его судьба. — Страна между Санг-Гаром и Дера-Фати-ханом. — Дера-Фати-хан. — Суеверие Ранджит Сингха. — Геронг. — Дера-Исмаил-хан. — Уничтожение старого города. — Развитие нового. — Его крепость. — Доход. — Военная сила. — Прежний наваб, лишённый владений сикхами. — Страна вокруг Дера-Исмаил-хана. — Её возможности. — Происхождение трёх Дера. — Наваб Шир Мухаммед-хан. — Его развлечения и характер. — Шерин-хан, вазир.

ГЛАВА IV. 33

Встреча с навабом. — Саркис, армянин. — Развлечения. — Индус Госен. — Сикхи. — Маха Сингх. — Хули. — Базар. — Кайса-Гар. — Отъезд из Дера-Исмаил-хана. — Так. — Цитадель. — Предсказание факира. — Фрукты. — Базар. — Доход. — Военная сила. — История Сирвар-хана. — Его сыновья. — Алладад-хан. — Дарбарра. — Нездоровый климат Така. — Красота садов. — Представление Сирвар-хану. — Встреча с Алладад-ханом. — Пирушки Алладад-хана. — Знакомство с Иммат-ханом, вакилем Синда. — Сикхская партия. — Рассказ о Сирвар-хане. — Отъезд из Така.

ГЛАВА V. 44

Рассказ моего спутника. — Мухаммед Резза. — Месяц рамазан. — Брат факира. — Происшествие. — Депутация из Дера. — Переправа через Инд. — Баккар. — Мур Сингх. — Лашикар-хан. — Прощание с Мур Сингхом. — Отъезд в Кунди. — Негодный проводник. — Приём в гарри. — Возвращение. — Встреча с купцами-лохани. — Их расспросы. — Возвращение в Дера. — Отъезд в Даррабанд. — Встреча с крестьянами. — Нахожу спутника. — Достигаю Гандапура. — Округ Даррабанд. — Лохани. — Город Даррабанд. — Отъезд в Так. — Происшествие в пути. — Каламчи. — Мозафар-хан. — Его войска и проч. — Встреча с вазири. — Иду с ними в горы. — Возвращаюсь с ними. — Снова прибываю в Так.

ГЛАВА VI. 58

Замечания. — Различные пути. — Выезд из Така. — Приём в деревне. — Происшествие. — Попытка ограбления. — Сайид из Пешавара. — Кунди. — Правитель. — Тревога. — Холмы Марвата. — Прекрасный вид. — Сефед-Кох. — Деревня Марват. — Устройство домов. — Хороший приём. — Лакки. — Разбойники. — Наггар. — Малик. — Его поведение. — Спор. — Радужие жителей. — Состояние общества. — Учивость малика. — Он желает, чтобы я остался. — Ссора. — Агенты Мир Камарадина. — Упущенная возможность. — Политические отношения Марвата. — Земледелие и проч. — Характер народа. — Состояние власти. — Преимущества Банну. — Позы. — Одежда. — Любовь к родине. — Правительство. — Его соответствие состоянию общества. — Прежнее состояние Банну. — Следы древнего процветания. — Ремёсла. — Махараджа Ранджит Сингх.

ГЛАВА VII. 74

Хижины вазири. — Вазири почитают сайидов. — Кафр-Кот. — Его устройство. — Замечания о подобных местностях. — Угощение в деревне. — Происшествие. — Пейзаж. — Ахмед-Коза. — Мечети. — Хангу. — Саду-хан. — Перед нами едет сайид. — Положение Хангу. — Сады. — Характер Саду-хана. — Приближение пешаварской армии. — Хангу покинут. — Путь в Кохат. — Разведывательный отряд. — Ло. — Встреча с Файзулла-ханом. — Пир Мухаммед-хан. — Его хладнокровие. — Шакур-хан. — Сын Абдул Вахаб-хана. — Деревня. — Кохат. — Торговля и ремёсла. — Сады. — Источники. — Области Кохат и Хангу. — Земледелие. — Полезные ископаемые. — Уголь. — Асбест. — Топливо. — Климат. — Жители. — Тури. — Политика. — Отъезд из Кохата. — Горный перевал. — Встреча. — Банги-Хел. — Меня удерживают как гостя. — Происшествие. — Старый знакомый. — Возвращение в Кохат. — Изменившееся поведение Пир Мухаммед-хана. — Салех Мухаммед. — Посланец из Пешавара. — Армия выступает. — Прибытие в Пешавар. — Пройденная страна. — Слоны.

ГЛАВА VIII. 91

Пребывание в Пешаваре. — Пир Мухаммед-хан. — Посещение Хаитнагара. — Пешавар. — Биби сахибзады в Чамканни. — Деревенский пир. — Сард-хань. — Cholera. — Простое лечение. — Правители. — Их характер. — Территория. — Доход. — Силы. — Жители. — Политические отношения. — Сайид Ахмед-шах. — Его действия. — Его самонадеянность. — Измена Яр Мухаммед-хана. — Победа сикхов. — Бегство Сайида Ахмед-шаха. — Разорения сикхов. — Сикхский способ сбора дани. — Лела. — М. Вентуру перехитрили. — Успехи Сайида Ахмед-шаха. — Взятие Пешавара. — Смерть Яр Мухаммед-хана. — Пешавар восстановлен. — Сайид Ахмед-шах изгнан. — Племена юсуфзаев. — Жестокое обращение с ними со стороны

сикхов. — Их доблестное сопротивление. — Они вызывают сикхов. — Переправа через Инд. — Страшные потери. — Паника и избиение юсуфзаев. — Правление. — Склонность к переменам. — Рвение в пользу Сайида Ахмед-шаха. — Деятельность Сайида Ахмед-шаха. — Его союзники. — Его способности. — Его ранняя жизнь. — Ранджит Сингх боится его. — Домыслы простонародья. — Рассказы о его святости. — Его подлинный характер становится известным. — Вадпаггар. — Желание уехать. — Вторжение Сайида Ахмед-шаха. — Сададин.

ГЛАВА IX. 107

Маршруты. — Отъезд из Пешавара. — Топе. — Джам. — Али-Масджид. — Приём. — Болезни и лекарства. — Угощение. — Дальнейший путь. — Новый пациент. — Гарри Лала-Бай. — Башни. — Учтивый приём. — По какой причине. — Серьёзный консилиум. — Предписание. — Трапеза. — Алладад-хан. — Его сестра. — Упрямый хайбари. — Топе. — Разбойники. — Они меня грабят. — Тщательный обыск. — Дальнейший путь. — Хафтчахи. — Дака. — Древние остатки. — Племена Хайбара. — Тира и Чура. — Хан Бахадар-хан. — Нанавати. — Древние содержания. — Численность. — Шах Расул-шах. — Наводнение в лагере Ранджит Сингха.

ГЛАВА X. 121

Дака. — Хазар-Нох. — Бассовал. — Альбинос. — Пещеры. — Древние следы. — Амбхар-Хана. — Гоштер. — Батти-Кот. — Кох-Санг-Сурах. — Топе. — Гирди-Кач. — Камех. — Али-Баган. — Джуси-Шахи. — Халил-хан. — Его внимание. — Сианош-кафиры. — Абдул Ганни-хан. — Дуранийская дама. — Халил-хан как политик. — Политические движения. — Меры Абдул Ганни-хана. — Расставание с Халил-ханом. — Джелалабад. — Мухаммед Земан-хан. — Его характер. — Доход и силы. — Его политические склонности. — Провинция Джелалабад. — Наваб Джабар-хан. — Аудиенция у него. — Его любезность. — Молави и брахман. — Их занятие. — Отъезд из Джелалабада. — Равнина Джелалабада. — Реки. — Балла-Баг. — Сурх-Руд. — Долина. — Адинапур. — Задуманное ограбление. — Сурх-Пул. — Хавизангани. — Малик Фаттиабада. — Тутовые деревья. — У меня просят совета. — Перемена климата и пейзажа. — Потерянная книга. — Котал-Каркача. — Тези. — Хафт-Котал. — Чакри. — Ископаемые раковины. — Хурд-Кабул. — Килла-Мохсан. — Бини-Сар.

ГЛАВА XI. 139

Рассказ муллы Наджиба. — Источники его сведений. — Трудность добывания надёжных сведений. — Неверное употребление сведений. — Интерес к сианошам. — Рассуждения. — Предания. — Отсутствие записей. — Индусская власть. — Войны газневидских князей. — Завоевания эмира Тимура. — Его поход против сианошей. — Он нападает на них. — Записывает свою победу. — Столб Тимура. — Тимур-Хиссар. — Эра сианошей. — Поражение отряда эмира Тимура. — Крестовые походы против сианошей. — Свидетельства Бабура. — Его вторжения к сианошам. — Его миссия к сианошам. — Молчание Марко Поло. — Рассказ Бенедикта Гоэса. — Возможности получения верных сведений. — Нимчи. — Реки Кафиристана. — Коу. — Наджил. — Камех. — Путь из Джелалабада в Читрал. — Границы сианошей. — Вид с Кох-Каринджа. — Общий обзор. — Земледелие. — Пища. — Скот. — Растительность. — Золото. — Деревни. — Их расположение. — Ниджроу. — Наджил. — Чаган-серай. — Резня Бабура в Баджоре. — Язык сианошей. — Языки их соседей. — Перанчех. — Паиши. — Лугмани. — Кохистани. — Народ паиши. — Перанчехи. — Таджик Ниджроу. — Хишпи. — Сафи. — Йегани. — Обращение с умершими. — Гебры, прежде жившие в этих странах. — Пиретры. — Правила относительно женщин. — Религия. — Чрезмерное гостеприимство. — Свадебный обряд. — Дома. — Пристрастие к пириествам. — Особые обычаи. — Они бреют головы. — Война и мир. — Оружие. — Крестовые походы. — Торговля. — Карадж. — Убийство Шахрияра Йездского. — Рассказ малика Маннира. — Возможность установления сообщения с сианошами. — Депутация к эмиру Мухаммед-хану.

ГЛАВА XII. 172

Балла-Хиссар. — Базары. — Гробница Бабура. — Килла-Кази. — Майдан. — Килла-Дурани. — Наиб Гуль Мухаммед. — Крепость хазарейцев. — Прибытие в Газни. — Приём у Хаджи-хана. — Мнение о кофе. — Репутация Хаджи-хана. — Армии Кандагара и Кабула. — Опустошения холеры. — Представление Дост Мухаммед-хану. — Его простая одежда. — Заключён мир. — Разговор с Хаджи-ханом. — Ссора между Дост Мухаммед-ханом и Хаджи-ханом. — Армия выступает из Газни. — Дост Мухаммед-хан. — Хабиб Улла. — Теряет власть. — Захвачен своими дядьями. — Приглашения Дост Мухаммед-хану. — Кабул отдан Султан Мухаммед-хану. — Султан Мухаммед-хан оставляет Кабул. — Раздел страны. — Размер Кабула. — Доход. — Военная сила. — Артиллерия. — Хорошее управление Дост Мухаммед-хана. — Его способности как воеводы. — Газни. — Как он достался Дост Мухаммед-хану. — Передан эмиру Мухаммед-хану. — Доход. — Характер эмира Мухаммед-хана. — Его скупость. — Его политическая суровость. — Его неудачливость как полководца.

ГЛАВА XIII. 186

Опасности дороги. — Лохани-хайри. — Насилие гильзаев. — Размышления о нашем пути. — Башня. — Замена чилламу. — Избегаем разоблачения. — Партия лохани. — Озеро Абистада. — Лохани-хайри. — Осторожное продвижение. — Мой патан грозит меня покинуть. — Приключение с юными пастухами. — Меня принимают за шахзаду. — Хан Терик. — Его сыновья. — Наше угощение. — Разговор хана. — Его крепость. — Приём у бахтиари. — Грубые афганцы. — Переход через холмы. — Лохани узнаёт меня. — Река Тарнак. — Хан Саду-зай. — Трудно добыть пищу. — Вода Тарнака. — Колонна тирандазов. — Килла-Азем. — Самонадеянность моего патана. — Его затруднение. — Прибытие в Кандагар.

ГЛАВА XIV. 197

Встреча с Фур Дил-ханом. — Дружелюбный мирза. — Сын Таймур Кули-хана. — Важный вопрос и решение. — Крут. — Невежливость кашмирского слуги. — Мухаммед Сидик-хан. — Наиб Гуль Мухаммед-хан. — Его захват. — Бдительность сардаров. — Освобождение наиба. — Его сын. — Кандагар. — Его предшественники. — Базары. — Водоснабжение. — Состав города и населения. — Гробница Ахмед-шаха. — Дворцы и цитадель. — Фрукты. — Продовольствие. — Достопримечательности. — Сардары. — Покойный Шир Дил-хан. — Фур Дил-хан. — Его характер и правление. — Его жизненный путь. — Кохан Дил-хан. — Мехер Дил-хан. — Его лицемерие. — Раздоры сардаров. — Их примирение. — Хода Назар. — Тирания сардаров. — Доход. — Раздел страны. — Пределы власти. — Белуджистан как данник. — Ревность Дост Мухаммед-хана. — Миссия Рахам Дил-хана. — Его неудача в Таке. — Его подарок Ранджит Сингху. — Распоряжения Рахам Дил-хана. — Противодействующие меры Дост Мухаммед-хана. — Деятельность Сайида Ахмед-шаха. — Переговоры. — Договор. — Уверенность войск Дост Мухаммед-хана. — Последствия действий. — Завоевания Дост Мухаммед-хана. — Военная сила Кандагара. — Ресурсы. — Артиллерия. — Непопулярность сардаров. — Опасения моего спутника-патана. — Он присоединяется к Атта Мухаммед-хану. — Невозможность добраться до Гришка. — Счастливое спасение. — Решаю посетить Шикарпур. — Доброта кандагарских друзей.

ГЛАВА XV. 215

Унылая страна. — Серай. — Поиски дороги. — Дикий патан. — Нахожу дорогу. — Следы каравана. — Палатки. — Приглашение. — Трапеза. — Обращение после трапезы. — Меня обирают. — Мне дают ночлег. — Поносят как неверного. — Новое дурное обращение. — Взаимное непонимание. — Изгнание. — Вынужденное возвращение. — Вмешательство муллы. — Упрёк моим мучителям. — Мои деньги обнаружены. — Возвращение имущества. — Требование моих денег. — Новая встреча. — Теряю часть денег. — Опасность драки. — Присоединяюсь к погонщикам верблюдов. — Меня обирают. — Появление хаджи. — Иду с ними. — Отчаянное положение. — Встречи. — Веселье афганцев. — Равнина Робат. — Хауз Маддат-хан. — Палатки Робата. — Хаджи. — Их способ путешествовать и проч. — Достигаю

каравана. — Хадар-хан меня отвергает. — Сильный холод. — Меня не допускают к кострам. — Меня принимает Мухаммед Али. — Хадар-хан. — Абдулла-хан. — Люди каравана. — Присоединяюсь к двум юношам-попрошайкам. — На нас нападают собаки. — Ночное бедствие. — Получаю постин. — Страдания. — Их продолжение. — Движение каравана. — Характер страны. — Булдак. — Пастушеские племена. — Вольности людей каравана. — Они не упускают случая пограбить. — Украденная собака. — Горная цепь. — Не можем найти воду. — Бесплодные переговоры с атчакзаями. — Подъём в горы. — Спуск. — Перевал Кожак. — Другие перевалы. — Атчакзаи преграждают путь. — Их дерзость. — Килла Абдулла-хан. — Река. — Остановка. — Насилие атчакзаев. — Трудность соглашения. — Волнение Хадар-хана. — Красноречивые споры. — Возмутительное поведение. — Река Лора. — Али-зай. — Страна Мехраб-хана. — Приближение к Шаллу. — Выдаю себя за хаджи. — Достигаю Шалла. — Моё положение в караване. — Пребывание в Шалле. — Хорошее обращение. — Кветта. — Базар. — Сады. — Долина. — Климат. — Страх перед хака. — Хаддит. — Деревни. — Племена.

ГЛАВА XVI. 239

Учтивость брахмана. — Присоединяюсь к каравану. — Сир-и-аб. — Караван-баши. — Племя брагуи. — Даит Би-доулат. — Передразнивание Шахабадина. — Сир-и-Болан. — Каджури. — Бдительность. — Биби Нани. — Гарм-аб. — Кирта. — Дорога из Гарм-аба. — Хундиллан. — Опасная местность. — Красивый пейзаж. — Обилие корма. — Равнина Дадара. — Тяжёлый марш. — Боланский перевал. — Его преимущества. — Разделение жаркой и холодной областей. — Изменение природных произведений. — Дадар. — Продукты. — Остановка. — Окружающие холмы. — Свирепые племена. — Чрезвычайная жара. — Растрескавшаяся почва. — Болезнь. — Продвигаюсь с трудом. — Река Нар. — Встреча. — Индус. — Побег. — У меня отнимают обувь. — Её возвращают. — Теряю дорогу. — Снова нахожу её. — Утренняя трапеза. — Белуджский юноша. — Хаджи Шехер. — Белуджские солдаты. — Мулла из Шалла. — Различные догадки. — Зиарат. — Продукты Тиркари. — Караван. — Баг. — Нехватка воды. — Гробницы Мустафа-хана и проч. — Афганский заговор. — Святому отрубляют голову. — Его характер. — Отъезд из Бага. — Характер страны. — Размышления. — Сладкая баджара. — Опасности Даит Бедари. — Продвижение. — Ложная тревога. — Роджан. — Крепости и проч. — Прежде подвластные Калату. — Джаган. — Касим-шах. — Благотворительные пожертвования. — Шикарпур. — Его слава богатством. — Его возникновение. — Процветание при дуранийском владычестве. — Его упадок. — Его прежнее влияние. — Он давал средства на афганские войны. — Устройство. — Здания. — Укрепления. — Базар. — Фрукты и овощи. — Каналы и орошение. — Торговля. — Жители. — Доход. — Правитель. — Лакки. — Небезопасность. — Дерзость разбойников. — Монета и меры веса. — Значение Шикарпура для дуран.

ГЛАВА XVII. 261

Станный вид. — Саккар. — Баккар. — Рохри. — Хайрпур. — Его нездоровый климат. — Раздел страны. — Знакомство с Гулям Расул-ханом. — Его миссия. — Его свита. — Щедрость мุลлы Хафиза. — Отъезд из Хайрпура. — Дубар. — Запутанность дороги. — Султанпур. — Упрёк сайида. — Маттели. — Обширный вид. — Спутники и общество в мечети. — Разговор. — Ужин. — Питах-Шехер. — Трапеза в мечети. — Факир. — Мирпур. — Синдская женищина. — Гостеприимные жители деревни. — Подозрительные люди. — Хайрпур. — Сабзал-Кот. — Плохие проводники. — Фазилпур. — Встреча с Рахмат-ханом. — Крестьянство Синда. — Деревни и мечети. — Управление страной. — Индусы. — Сайиды. — Пыры. — Факиры. — Такии.

ГЛАВА XVIII. 275

Улучшение моих дел. — Гарри Фазилпур. — Наводнения. — Их усиление. — Причины. — Желание уехать. — Возражения. — Танцовщица наутч. — Отъезд. — Мальчик Ахмедпур.

— Приветствие кази. — Одежда. — Меня принимают за могола. — Крестьяне. — Рамазан. — Факир. — Ношара. — Султанпур. — Мачи. — Приятный вечер. — Умеренное угощение. — Меня принимают за пир-заду. — Город с индусской пагодой. — Страна. — Ханпур. — Индиго. — Простор воды. — Салам-хан. — Чанни-хан-ди-Гот. — Рамкалли. — Могол-ди-Шехер. — Два Уча. — Древние остатки. — Осады Уча. — Река Гарра. — Канал. — Пир Джелалпур. — Суджа-Кот. — Перемена вида страны. — Базары и проч. Суджа-Кота. — Мултан. — Цитадель. — Торговля и ремёсла. — Руины. — Гробницы. — Святилище Шамса Табрези. — Предание. — Сады и фрукты. — Население. — Нападения Ранджит Сингха. — Взятие и иштурм. — Последствия. — Соханд Малл. — Управление. — Отъезд из Мултана. — Мечеть. — Встреча. — Колодцы. — Опасная дорога. — Ищу укрытия от дождя. — Странный спутник. — Фамильярная хозяйка. — Неприятное общество. — Риск быть сбитым с пути. — Ошибка обнаружена. — Обычай крестьян. — Пустые угрозы. — Размышление. — Красивый речной пейзаж. — Камалия. — Место подвигов Александра. — Догадки о Камалии. — Птолемеевский переход. — Сайид-вала. — Роскошная страна. — Деревья бер. — Накот. — Ниазпур. — Почтенные сикхи. — Прекрасный вид долины Рави. — Нох-Кот. — Прибытие в Лахор. — Генерал Аллар. — Великолепие его заведений. — Его последующая смерть.

ГЛАВА XIX. 294

Лахор. — Мечети. — Мечеть Падшаха. — Предание. — Мечеть Вазир-хана. — Золотая мечеть. — Щедрость г-на Аллара. — Осквернение. — Базары. — Особняки. — Дворцы. — Укрепления. — Ворота. — Руины. — Гробницы. — Шахдара. — Её осквернение. — Жилище г-на Амиза. — Анаркалли. — Рассказ. — Гробница. — Занята г-ном Вентурой. — Сады. — Фрукты. — Овощи. — Шалимар. — Торговля. — Нох-Кот. — Прежнее состояние Лахора. — Нападение Ранджит Сингха. — Взятие. — Сикхи. — Изменение их системы. — Говинд Сингх. — Баба Нанак. — Его учение. — Характер его секты. — Его установления. — Обращённые. — Запреты. — Табак. — Пророчества. — Ланка. — Гротескные картины. — Рост секты. — Замысел Аурангзиба. — Преследование увеличивает число последователей секты. — Рост по другим обстоятельствам. — Распущенное состояние гражданского общества. — Возвышение Ранджит Сингха. — Склонность к индуизму. — Коллегия в Бенаресе. — Хитрость брахманов. — Мотивы. — Поведение сикхов. — Грантх. — Сикхские молитвы. — Обычаи. — Предсказание мистера Фостера. — Установления Нанак. — Совершившееся изменение. — Улучшение управления и общества. — Мнение Ахмед-шаха. — Замыслы Земан-шаха. — Вероломство Ранджит Сингха. — Дурани изгнаны из Лахора. — Ранджит Сингх признан царём. — Его умеренность. — Его приобретения. — Вторжение в Суджаханпур. — В Бахавалпур. — В Пешавар. — Угроза Синду. — Приобретение Харанда и Даджила. — Изменение политики. — Доход. — Военная сила. — Перечень. — Обученные войска. — Их качества как солдат. — Уроженцы Пенджаба. — Женщины. — Одежда. — Способ укладывать волосы. — Занятия сикхов. — Их хорошие качества. — Учёность. — Общественные обычаи. — Чем они объясняются. — Терпимость. — Иррегулярная кавалерия. — Способ ведения войны. — Его ценность. — Акаши. — Жалованье войскам. — Дассера. — Ранджит Сингх. — Его молодость. — Приход к власти. — Расширение владычества. — Причины возвышения. — Хороший полководец. — Его достижения. — Его популярность. — Оправдание его излишеств. — Уважение к учёности. — Широта его взглядов. — Его слуги. — Мир Дхиан Сингх. — Его братья. — Народное мнение. — Карак Сингх. — Его характер. — Наглость Мир Дхиан Сингха. — Шир Сингх. — Его характер и перспективы. — Мнимые сыновья. — Вероятность спора о наследовании. — Внешность Ранджит Сингха. — Его недуги. — Его одежда. — Его титулы. — Итоговая характеристика. — Сравнение.

ГЛАВА XX. 322

Отказываюсь увидеть махараджи. — Служба махараджи. — Пути из Лахора. — Сикхские женщины. — Белуджи. — Встреча с Тхакур Сингхом. — Сикхские деревни. — Тхакур

Сингх. — Его блестящие надежды. — Миссия Тхакур Сингха. — Его партия. — Состояние страны. — Занятия Тхакур Сингха. — Его дарбары. — Его внимание. — Харипа. — Предание. — Местные особенности Харипы. — Тожество с Сангалою Арриана. — Место алтарей Александра. — Эвидемия. — Мучаемся от мошек. — Ночной переход. — Чича-Ватни. — Тулумба. — Древняя крепость. — Догадки о ней. — Доброта Тхакур Сингха. — Катти. — Патанские деревни. — Потерянные зарисовки. — Прощание с Тхакур Сингхом. — Новая встреча в Пешаваре. — Дружелюбный могол. — Фазилпур. — Мир Мобарак. — Фати Мухаммед Гори. — Его приветствие. — Шикарпур. — Дурной глаз. — Назар Мухаммед. — Ладхана. — Майхота. — Сехван. — Котли. — Хайдарабад. — Крепость. — Древность. — Правители Синда. — Доход и военная сила. — Мир Исмаил-шах. — Его репутация и дипломатический талант. — Рассказ о миссии мистера Ханки Смита. — Затруднение Мир Исмаил-шаха. — Средства, которыми он из него вышел. — Его ловкость и возросшая слава. — Пребывание в Хайдарабаде. — Решение. — Отъезд из Хайдарабада. — Драка. — Татта. — Новая история. — Упадок торговли. — Страна между Таттой и Карачи. — Ланди. — Приключения в дороге. — Опиумный караван из Пали. — Карачи. — Порт. — Крепость Манарох. — Порт Александра.

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО БЕЛУДЖИСТАНУ, АФГАНИСТАНУ**

И ПЕНДЖАБУ.

ГЛАВА I.

Прибытие в Бахавалпур. — Приятная перемена. — Желание хана увидеть меня. — Хан Махомед. — Его беседы. — Меня подозревают в том, что я эльчи. — Отправление в Ахмедпур. — Страна между Бахавалпуром и Ахмедпуром. — Прибытие в Ахмедпур. — Бакиши Махомед-хан. — Со мной обращаются как с общественным гостем. — Рахмат-хан. — Его история. — Хан посещает Ахмедпур и возвращается в Даравал. — Бакиши и его приемы. — Мне предлагают поступить на службу. — Я заболеваю лихорадкой. — Врачи хана. — Отъезд в Аллахабад. — Варни. — Вид Аллахабада. — Охотничьи навильоны хана. — Удачная встреча. — Врачи Аллахабада и их средства. — Лихорадка проходит. — Салам-хан. — Возвращение в Ахмедпур. — Бакиши препятствует моей встрече с ханом. — Мне отказывают во входе во дворец хана. — Человечный поступок Мути Рама. — Случайная встреча с ханом. — Разговор с бакиши и предложение военной службы. — Аудиенция у хана. — Денежный подарок. — Разрешение уехать.

Осенью 1826 года, пройдя раджпутские владения Шехавати и царство Бикканир, я вступил в пустынные пограничные земли хана Бахавалпура; и, миновав один за другим города и крепости Пуларах, Михр-Гхар, Джам-Гхар, Марут и Моз-Гхар, прибыл в город Бахавалпур.

Хотя при переходе через Раджпутану я не встретил иных препятствий, кроме тех, которые создавали сама страна и ее знойный климат, они были столь значительны, что, несмотря на то что повсюду меня принимали учтиво и обходились со мной доброжелательно, я был рад оставить позади сухие песчаные пустоши и очутиться в большом многолюдном городе, окруженном пышно возделанными полями и рощами величественных пальм. Поскольку Бахавалпур расположен на краю пустыни, переход от земли бесплодия и безлюдья к земле плодородия и изобилия особенно поразителен для путешественника, приближающегося к нему с востока, а для меня он был особенно приятен еще и потому, что я намеревался позволить себе в его пределах немного отдыха, который, как мне казалось, я вполне заслужил после преодоленных мною тягот пути.

Однако я обнаружил, что губернатор Пулараха сообщил о прибытии феринги, или европейца, во владения хана, и потому желали, чтобы я отправился в Ахмедпур, дабы хан мог встретиться со мной, поскольку, по-видимому, его любопытство было возбуждено настолько, что он выразил желание меня увидеть.

В Бахавалпуре я был гостем некоего хана Махомеда, человека, занимавшего высокое положение, если только он не был самым губернатором города; и в одной или двух беседах, которые я с ним вел, он проявил себя вполне достойно, причем темами его разговоров были политика, медицина, философский камень и религия — предметы, модные среди великих и ученых мужей Востока. Меня удивили некоторые его вопросы о России и других европейских державах, но меньше — несколько любопытных представлений, которые он имел о природе Компани-Сахиб, поскольку прежде я уже слышал от Салим-Сингха, офицера раджи Бикканира, что Компани-Сахиб — очень добрая старая дама, к которой он питает большое уважение. Но сильной стороной хана Махомеда была медицина, и большое количество стеклянных бутылок, расставленных вокруг его комнаты и наполненных жидкостями различных цветов, свидетельствовало если не о его искусстве врача, то, по крайней мере, о некоторой ловкости составителя лекарств.

Ему очень хотелось узнать, какое у меня дело, и он с трудом мог поверить, что никакого дела у меня нет или что я не привез хану какого-нибудь послания, которому он преданно выражал рабскую покорность. Меня уже не раз прежде подозревали в том, что я эльчи, или посол, и напрасно я ссыался на отрицательные доказательства — мою бедность и то, что я брел один и пешком. Европейцев считали существами непостижимыми, и неудобства, которые

я терпел по необходимости, приписывали моему собственному выбору или «ихмату», то есть изобретательности.

Я провел в Бахавалпуре три или четыре дня, что дало мне возможность осмотреть некоторые изделия из шелка и тканей, которыми славится город, и познакомиться с Низамадином, кази, достойным человеком, который не раз приглашал меня к себе. Затем я сообщил хану Махомеду, что готов отправиться в Ахмедпур; и он поручил одному из своих слуг сопровождать меня и проводить в дом Махомед-хана, бакши, или казначея войск хана.

Расстояние между Бахавалпуром и Ахмедпуром составляет около двадцати косов, или тридцати миль; и мы проделали этот путь в два перехода, переночевав в Бакши-хан-ка-Масджит, небольшой деревне, названной так по сравнительно красивой мечети, построенной человеком, чье имя она носит. Жара была изнурительной, но страна была хорошо возделана и населена, причем деревни обычно выделялись соседствующими с ними группами тамарисков, достигавших удивительной величины. Вода имела повсюду в неглубоких колодцах и поднималась на поверхность посредством колес, приводимых в движение волами, а иногда и верблюдами. Однажды мы пересекали нуллу, или водоток, который у меня есть причина помнить, поскольку верблюд, на котором я ехал, потерял опору и сбросил меня в воду; это происшествие было с избытком возмещено удовольствием от погружения, а лучи солнца были столь сильны, что моя одежда — я был одет в белое полотно — высохла почти так же быстро, как намокла.

Добравшись до Ахмедпура, мы, как и было условлено, направились в дом бакши, который, хотя и принял меня учтиво, если отвлечься от его высокого положения, был человеком далеко не столь изысканным, как его коллега и друг в Бахавалпуре. Он сообщил мне, что хан находится тогда в Даравале, крепости в восемнадцати косах отсюда, в пустыне, где, как считается, он хранит свои сокровища как в безопасном месте и где часто живет. Бакши хотел, чтобы я приятно проводил время до возвращения хана в Ахмедпур, которого ожидали через несколько дней, и поручил меня заботам Рахмат-хана, офицера-рохиллы, который благодаря долгой службе в Индостане считался знакомым с европейскими манерами и привычками и потому способным позаботиться о моих нуждах.

Рахмат-хан охотно принял это поручение и отвел меня в свои помещения, которые, по правде говоря, были не слишком хороши, однако для моего приема приготовили отдельный и довольно приличный дом. Бакши также позаботился прислать вслед за мной разнообразную провизию, кровати, утварь и сосуды для воды, как это обычно делается в отношении общественных гостей, к числу которых, как я узнал, причислили и меня. Рахмат-хан был уроженцем Рампура, в Северной Индии; и из рассказа о его жизни я узнал, что он был солдатом удачи и в лучшие свои времена командовал двумя батальонами в лагере маратхского сардара Хирах-Сингха.

Позднее он служил у знаменитого Амир-хана, а еще позже — под знаменами Бхоу-Сахиба, правителя Джавада, когда при взятии этой крепости британцами стал военнопленным. Освободившись, он покинул Индию и добрался до Бахавалпура, где ему поручили командование сотней людей и охрану гхарри Фазилапура на границе Синда. Жалованье его было установлено в две рупии в день, но мне говорили, что посредством фиктивных списков и приемов, которые если и не разрешены, то, во всяком случае, терпимы, он получал около пяти рупий. Однако, будучи не в силах забыть или отказаться от развлечений, к которым привык в маратхских лагерях, он неизбежно погряз в долгах, достигавших значительной суммы в шесть тысяч рупий; и во время моего пребывания у него у нас состоялось несколько наутчей — зрелищ, которыми он, подобно большинству уроженцев Индии, был чрезвычайно увлечен и полагал, что я должен любить их не меньше. Его люди обычно происходили из того же города или провинции, что и он сам. Многие из них были привязаны к нему еще в лучшие времена, и все они, по собственным словам, прежде состояли на более почетной и доходной службе, чем служба у хана Бахавалпура.

Вскоре хан приехал в Бахавалпур, но, поскольку оставался там лишь день или два и должен был решить множество дел, бакши, запутавшийся в своих счетах и оглушенный требованиями солдат выдать им жалованье, забыл сообщить ему о моем присутствии, и хан, ничего о нем не зная, вернулся в свою сильную пустынную твердыню, радуясь возможности укрыться в ее одиночестве от докучливости своих подчиненных и тяжких забот управления.

Как я узнал, бакши родился рабом правящей семьи и был возвышен до своей нынешней должности благодаря милости нынешнего хана. Он не освобожден, и его записанное жалованье составляет лишь восемь анна, или половину рупии в день; однако, распоряжаясь большими денежными средствами, он способен обогащаться и жить роскошно. Я присутствовал на двух или трех его приемах и был удивлен свободой, с которой к нему обращался самый ничтожный солдат. В выражениях никто не стеснялся, и я дивился тому, что он, так сказать, приглашал меня быть свидетелем потоков брани, которые на него изливали. Отпустив своих сварливых просителей, он беседовал со мной и пришел к убеждению, что я сардар немалого значения, поскольку, обращаясь к нему, пользовался жестами рук. Способностей у него, по-видимому, было немного, и, хотя его считали главой войск, в походе он никогда ими не командовал, почетное место оставалось за вазиром Якуб-Махомед-ханом.

Я столь решительно выразил неудовольствие его забывчивостью, что наши отношения стали еще хуже, чем прежде, и я сказал ему, что теперь продолжу путь, не увидевшись с ханом. Боясь в таком случае навлечь на себя упрек, он ответил, что я не уеду; это заставило меня спросить его, кто он такой, чтобы сметь препятствовать кому-либо путешествовать по Божьим дорогам? На этот вопрос он не нашел ответа, но уклончиво предложил мне поступить на военную службу к хану, как, по его словам, сделал некий Буре-Сахиб — какой-то европеец, прежде посещавший Бахавалпур. Я ответил на это решительным отказом. От моих знакомых в Ахмедпуре я слышал, что местный климат очень враждебен чужеземцам; и я узнал, что Буре-Сахиб, европеец, упомянутый бакши, умер от его пагубного воздействия. Жара действительно причиняла серьезные мучения; и мне особенно хотелось двигаться дальше, что я и сделал бы вопреки запрету бакши, если бы меня не свалила перемежающаяся лихорадка, совершенно лишившая меня сил.

Это несчастье усилило мой гнев на бакши, которого я бранил как виновника болезни; а он, опасаясь, что дело может окончиться смертью, прислал хакимов, или врачей, хана, ничтожные средства которых я был вынужден отвергнуть; и, поскольку сам я не знал правильного способа лечения, мое положение стало почти безнадежным. Казалось маловероятным, что хан вскоре вновь появится в Ахмедпуре, и столь же маловероятным было мое выздоровление, если я останусь там, поэтому я решил испытать перемену воздуха и места; и, наведя справки, выбрал Аллахабад, город в двадцати косах от Ахмедпура на дороге в Синд. Соответственно, я оставил свои вещи на попечение Рахмат-хана и, взяв с собой лишь меч, до восхода солнца отправился по указанной мне дороге.

С самого начала лихорадки солнечный блеск был для меня особенно мучителен, и я обнаружил, что после восхода солнца путешествовать невозможно, так что, где бы я ни находился, мне приходилось искать ближайшую тень и бросаться на землю под нею. Страна, через которую я шел, была покрыта тамарисковым джангалом, среди которого были разбросаны деревни и возделанные земли. Первые редко были видны с дороги, но направление к ним выдавал скрип колес у колодцев. Во всех них имелся тот, кого называют мачи, — человек, обычно женщина, который дает приют и готовит пищу для чужеземца и путешественника. Продвигался я так медленно, что лишь через четыре или пять дней достиг Варни, большой деревни у дороги, и был настолько измучен, что провел в доме мачи два или три дня, после чего, несколько окрепнув, продолжил путь к Аллахабаду. Подступы к этому городу оказались приятнее, чем я ожидал, ибо, когда джангал закончился, я вышел к ручью с проточной водой, за которым простирался большой луг, а вдали увидел купол главной мечети, утопавший в рощах финиковых

пальм. Приближаясь к городу, я наткнулся на веранду, устроенную вокруг огромного дерева пипал, и узнал, что это один из охотничьих павильонов хана; поскольку тень, которую он давал, была очень густой, я провел под ним большую часть дня.

Впоследствии я видел множество других таких павильонов в разных частях страны; и, хотя устройство их просто, они не лишены изящества и превосходно приспособлены к той цели, ради которой сооружены. К вечеру я двинулся к городу, и у самого входа меня окликнул хорошо одетый человек, который сразу пригласил меня к себе. Я последовал за ним и вскоре устроился весьма удобно.

Мой новый друг был чрезвычайно внимателен; и доброта его не ограничивалась одним гостеприимством, он предложил также избавить меня от болезни. Он созвал местных врачей; но их предписания были столь же бесполезны, как и предписания их собратьев в Ахмедпуре, и они тщетно старались убедить меня, что варенье из роз и леденцовый сахар способны излечить застарелую лихорадку. У меня были все основания быть благодарным за здешний прием, однако болезнь, по-видимому, вовсе не собиралась уступать, и тогда, в отчаянии, я сам стал себе врачом и, к ужасу моих доброжелательных друзей, послал за аджамом, или цирюльником, который пустил мне кровь из кистей и рук; кроме того, я обильно пил настои сенны; и, были ли эти средства разумны или подействовали иные причины, я с великим удовлетворением обнаружил, что лихорадка покинула меня, хотя слабость оставалась ужасной.

Мой гостеприимный хозяин был и восхищен, и поражен моим выздоровлением после средств, которые считал отчаянными, и не жалел ни труда, ни расходов на пищу, которой снабжал меня, полагая, что таким образом восстановит мои силы. Кухню хана Махомеда в Бахавалпуре я находил весьма хорошей, и кухня моего друга в Аллахабаде заслуживала не меньшей похвалы. Этим достойным человеком, которому я столь многим обязан, был Салам-хан, Дауд-путра, человек состоятельный и главный властитель в своем городе. О его человечности мне нет нужды свидетельствовать, но могу добавить, что манеры его отличались крайней мягкостью и скромностью. От его слуг я узнал, что его считали кимиягаром, или алхимиком; однако и более образованные люди, чем он, имеют свои слабости, а со мной он никогда не говорил на эту тему.

Почувствовав себя лучше, я предложил вернуться в Ахмедпур, но Салам-хан попросил меня остаться еще на два или три дня, после чего он и сам должен был ехать туда, и мы могли бы отправиться вместе. В назначенное время для меня оседлали лошадь, и мы тронулись в путь. Мой друг имел весьма представительный вид и нес за спиной красивый колчан со стрелами, знак ранга и достоинства, а за нами следовали несколько его конных слуг. Салам-хан хорошо знал страну и пошел гораздо более короткой дорогой, чем тот большой тракт, по которому путешествовал я; держась края пустыни, мы вскоре достигли Варни, где провели ночь, а утром двинулись в Ахмедпур. Там мы расстались: Салам-хан отправился к своим друзьям, а я — в прежние помещения у Рахмат-хана.

Я узнал, что мой знакомый рохилла был хорошо известен Салам-хану благодаря своим учтивым, подобающим сардару манерам, и понял, что по той же причине его вообще уважали по всей стране. Рахмат-хан принял меня чрезвычайно сердечно, и я получил множество поздравлений с выздоровлением. Я узнал, что за время моего отсутствия хан не посещал Ахмедпур вновь, но его ожидали со дня на день. И действительно, вскоре он приехал, и я сообщил Рахмат-хану, что намерен засвидетельствовать ему свое почтение, а тот, в свою очередь, передал это бакши, который теперь заявил, что я не увижу хана, раз не желаю поступать к нему на службу. Когда мне это передали, я сказал, что хана я увижу.

Однако, придя к резиденции хана с целью добиться встречи, я обнаружил, что люди у входа получили от бакши приказ не впускать меня. Я понял, что спорить с ними бесполезно, и уже собирался повернуть назад, когда вышел Мути Рам, индуистский диван хана, или министр финансов. Он не дошел до того, чтобы действовать вопреки бакши и устроить мне встречу с

ханом, но, несмотря на мои возражения и протесты, сошел со своей лошади и настоял, чтобы я ехал на ней домой. Дело было в том, что я все еще оставался очень слаб, что он заметил, и этот поступок по меньшей мере показал, что он человек гуманный.

К этому времени я уже решил продолжить путь на запад и перестал заботиться о встрече с ханом, поскольку на самом деле никакого дела к нему у меня не было, и думал лишь о том, чтобы перед отъездом хорошенько отчитать моего друга бакши. Случилось, однако, что возле города находился прекрасный луг, куда, теперь уже чувствуя себя достаточно крепким, я выходил по вечерам гулять; и там однажды совершенно случайно мимо меня проехал хан, который никогда не ночует в Ахмедпуре, его несли в паланкине и сопровождала многочисленная кавалькада. Он заметил меня и приказал остановить носилки; затем спросил, кто я, как долго нахожусь в Ахмедпуре и почему ему не сообщили обо мне, одновременно сделав рукой знак, чтобы я приблизился. Я еще не успел протиснуться через толпу, как хан продолжил путь, но один из его слуг, которому он что-то шепнул, уведомил меня, что его господин будет рад увидеть меня утром на дарбаре.

Я едва успел вернуться к Рахмат-хану и рассказать ему о случившемся, как явился посыльный от бакши с просьбой, чтобы я зашел к нему. Я отправился туда, и Рахмат-хан пошел со мной. Мы застали великого человека за молитвой. Закончив ее, он присоединился к нам, и у нас состоялся долгий разговор, в ходе которого я укорял его сначала за то, что он меня задерживал, а затем за то, что препятствовал моей встрече с ханом. Он умолял меня поступить на службу, говоря, что хан передаст мне семь своих пехотных полков с их пушками и разрешит набрать еще столько же.

Я повторил то, что уже говорил ему прежде, а именно, что не желаю иметь с ними ничего общего. Он возразил, что Бура-Сахиб прежде поступил на службу, а я ответил, что то, что устраивало Бура-Сахиба, может не устраивать меня. Затем он посоветовал мне отправиться к Сайяду Ахмед-Шаху и присоединиться к нему. Я спросил, кто такой Сайяд Ахмед-Шах и какое мне до него дело. В то время я ничего не знал ни о самом Сайяде, ни о деле, за которое он сражался, и знал лишь, что он смертельный враг сикхов. Тогда бакши захотел узнать, куда я намерен идти и не к Дост-Махомед-хану ли в Кабул. Я ответил, что пойду куда захочу и к кому захочу. Результат этого разговора, вероятно, мало его удовлетворил, но он был настолько подавлен, что, когда я говорил с ним резко, буквально дрожал, что после нашего расставания доставило Рахмат-хану повод для веселья.

На следующее утро я пешком отправился в киллу, или резиденцию хана, и у ворот меня сразу провели внутрь. Прежде чем попасть к хану, мы прошли мимо хорошо наполненного птичника. Он сидел, скрестив ноги, на ковре, откинувшись на большую подушку, а левую руку положив на черный щит. Одет он был просто, в белое полотно, но на руках носил великолепные браслеты с бирюзой в золотой оправе. Перед ним лежало двуствольное охотничье ружье, а по обе стороны — европейские сабли.

Лицо его было необыкновенно красивым и выражало всяческую доброту, хотя, глядя на него, я вспоминал, что его вступление во власть было отмечено убийством нескольких министров его отца — обычным последствием передачи власти в восточных государствах, но едва ли оттого более простительным. Ему было не больше двадцати трех или двадцати четырех лет. Он учтиво приветствовал меня и распорядился показать мне свое оружие, чтобы я мог определить его изготовление, одновременно объясняя, как оно к нему попало. Других вопросов он почти не задавал — либо потому, что от бакши, почтительно стоявшего у него за спиной, знал о моем упорстве в отказе поступить на службу, либо потому, что, понимая, что недавно я был болен, по доброте не хотел меня утомлять. Однако он спросил бакши о моей пище, и ему ответили, что я ем все — мясо, рыбу, птицу, яйца и, как было добавлено, все это одновременно, что, несомненно, показалось им весьма странным, хотя я делал не больше того, что они сами постоянно делают. Вскоре мне разрешили уйти, причем добрый Мути Рам заметил, что

я слаб; и я успел пройти всего несколько шагов, когда меня позвали назад, чтобы сообщить, что хан распорядился отправить со мной домой некоторую сумму денег на «мимани», то есть на мое угощение; и я видел, как сам хан зачерпнул тремя двойными пригоршнями рупии из двух куч, сложенных перед ним. Я был рад уйти и не обратил внимания на подарок; поэтому, вернувшись к себе, получил около шестидесяти рупий, что, должно быть, составляло лишь небольшую часть выданной суммы.

Когда я снова оказался у себя, ко мне явилось множество офицеров и солдат батальонов, которые, как оказалось, слышали о желании хана поставить их под мое начальство; они убеждали меня принять командование, поскольку тогда, говорили они, бакши не сможет задерживать им жалованье и они будут получать его регулярно. Я выразил сомнение, что мне удастся исправить неисправимого бакши, и заверил их, к их явному сожалению, что не намерен брать на себя такую задачу. Я получил также еще одно обращение от бакши, который, возможно, думал, что добрый прием и щедрость хана смягчили мое решение; но, услышав, что я остаюсь тверд, он сообщил, что я волен оставаться в Ахмедпуре столько, сколько пожелаю, или отправиться когда и куда сочту нужным.

Хотя за время пребывания в Ахмедпуре и его окрестностях я много страдал от лихорадки и ее последствий, у меня были все основания быть довольным учтивостью всех классов населения; и я всегда находил их готовыми сообщать все, что входило в круг их знаний.

ГЛАВА II.

БАХАВАЛПУР.

Границы. — Протяженность. — Различия почвы и проч. — Домашние животные и проч. — Города. — Бахавалпур. — Барра-Ахмедпур. — Уч. — Ханпур. — Чута-Ахмедпур. — Гуджугар-Валла и проч. — Пуларах. — Мурут. — Моз-Гхар. — Гудиана. — Даравал. — Фазилпур. — Военная сила. — Доход. — Даудпутры. — Бахавал-хан. — Садат-хан. — Бахавал-хан.

Страна Бахавалпур ограничена на севере сикхскими провинциями Мултан, Манкирах и Лия. С юга к ней примыкает великая пустыня, отделяющая ее от Джессалмира. На востоке в северной части она соприкасается с землями сикхского правителя Патиалы, а непосредственно к востоку — с границами раджпутского княжества Бикканир. С запада ее пределом служит река Инд, отделяющая ее от Миттан-Рота и полосы территории, зависимой от Дера-Гхази-хана; ниже по течению она отделяется от Харранда и Даджила, провинций брахуи-хана Калата.

От Гудианы, ее пограничного города со стороны Патиалы, до Чута-Ахмедпура, где она соприкасается с Северным Синдом, расстояние составляет сто восемьдесят косов, или около двухсот семидесяти миль; а от Пулараха на границе Бикканира до Дера-Гхази-хана считают сто сорок косов, или свыше двухсот миль. Ее ширина значительно меняется, поскольку на нее влияют течение реки Гаррах на севере и пустыня на юге. Наибольшей ширины страна достигает на крайних восточной и западной границах. В центре напор пустыни на возделанные земли оставляет между нею и рекой на севере лишь сравнительно узкую полосу.

На этом пространстве существуют заметные различия в почве, характере местности и производимых ею продуктах. Часть между Гудианой и столицей я не видел, но слышал о ней самые восторженные отзывы в отношении плодородия и населения. Этим рассказам можно верить, поскольку плодородие обеспечивается близостью Гарраха, а плодородие, в свою очередь, привлекает население. Часть пустыни, тянущаяся к востоку от Бахавалпура до Бикканира, разумеется, мало производительна, однако, поскольку во многих местах поверхность здесь состоит скорее из земли, чем из песка, среди прочих населенных мест имеются базарные города Пуларах, Мурут и Моз-Гхар, ведущие значительную торговлю зерном с соседними государствами. В этой области также превосходно чувствует себя верблюд, находящий обильную пищу в колючих и солончаковых растениях, покрывающих поверхность. Не недостает здесь и многочисленных стад рогатого скота; однако они постоянно меняют место, сообразуясь с наличием воды. В определенные времена года их владельцы покидают свои деревни и устраивают временные жилища в выбранных местах, которые, как и в Бикканире, называются кетли. Там путешественник находит в изобилии молоко, масло и прочее, чего в это время мог бы не получить в покинутых ими деревнях.

В отдаленные времена через эту ныне бесплодную страну текли реки и орошали ее; во многих местах до сих пор можно проследить их русла; и сохранились многочисленные следы древних городов — обожженные кирпичи и осколки керамики, разбросанные по земле. Центральные округа Уч, столица, Ханпур, Аллахабад и Ахмедпур отличаются чрезвычайно богатым возделыванием различных видов зерна, сахарного тростника и индиго. Трудно представить более отрадное зрелище, чем эта часть страны перед жатвой, когда вся поверхность представляет собой море стоящего хлеба, среди которого разбросаны деревни, аккуратно построенные из тростника и сопровождаемые группами деревьев, обычно бер и финиковых пальм. Как только урожай снят, растительность разрастается с такой силой, что земля покрывается травами и кустарником, и никто не предположил бы, что эта местность, ныне слившаяся с джангалом, еще совсем недавно была возделана. Между Учем и Дера-Гхази-ханом много джангала, однако местами, особенно возле городов и деревень, энергично возделываются зерновые и сахарный тростник, что указывает на богатую и плодородную почву. От Бахавалпура

до Ханпура страна богата и хорошо возделана, хотя с юга ограничена песчаной пустыней. От Ханпура до Чута-Ахмедпура облик местности меняется и становится более пригодным для выпаса; однако и в этом направлении возле городов и деревень имеется немало пахотной земли.

Хотя большая часть поверхности владений Бахавалпура покрыта джангалом, не следует думать, что она бесполезна. Напротив, она дает пастбища огромному количеству рогатого скота, коров и буйволов — источникам богатства и благополучия жителей. Бикканир и другие раджпутские государства к востоку в значительной мере зависят от Бахавалпура в снабжении продовольствием. В Азии найдется мало стран, если вообще найдутся такие, где продукты земли были бы столь же обильны и дешевы, как в государстве Бахавалпур.

Домашние животные Бахавалпура — верблюд, буйвол, обыкновенная корова, гадди, или короткохвостая овца, коза и прочие. Как уже было сказано, верблюдов разводят в большом количестве в пустыне на востоке, а также в окрестностях столицы и Ахмедпура. В ограниченной степени их используют в земледелии, иногда впрягая в плуг или заставляя вращать колесо у колодца. В Бикканире это животное повсеместно используется таким образом, а в Синде — отчасти. Буйвол высоко ценится за свое молоко, которое восхитительно, а его мясо даже предпочитают коровьему. Домашняя птица многочисленна, но ручные гуси, заключаю я, редки, поскольку видел их лишь в Бакши-хан-ка-Масджит.

Дикая птица в западных частях у Инда столь многочисленна, что в Фазилпуре гуся можно купить за одну из мелких медных пайс этой страны, стоящую менее половины пенни, а за ту же сумму можно приобрести двух или трех уток. Их ловит особая группа людей, называемая мохани, из которой происходят рыбаки и лодочники, работающие на Инде. Джангалы изобилуют дичью, такой как олени и дикие свиньи. Куропатки, перепела, дрофы, голуби и прочая птица встречаются повсюду.

Во владениях Бахавалпура много богатых и торговых городов. К городам первого разряда можно причислить Бахавалпур, столицу, Барру, или Большой Ахмедпур, Уч, Ханпур и прочие. Ко второму разряду относятся Чута, или Малый Ахмедпур, Аллахабад, Гуджугар-Валла, Чанни-хан-ди-Гот, Гхазипур, Кинджер, Пуларах, Мурут, Моз-Гхар, Гудиана и прочие. Мелких городков, или крупных базарных деревень, чрезвычайно много, а число земледельческих деревень и поселков весьма велико.

Бахавалпур расположен примерно в двух милях от реки Гаррах. Прежде у него были стены, от которых сохранились лишь следы, используемые жителями как место для прогулок. Дома главным образом построены из обожженного кирпича и в значительной степени перемежаются садами. Все расположено свободно и беспорядочно, а со всех сторон город окружен рощами финиковых пальм и деревьев пипал. Общественные здания не особенно примечательны, и ни один из дворцов хана нельзя назвать привлекательной резиденцией. Правда, в настоящее время строится красивая каменная мечеть. Город является центром многих производств, некоторые из которых весьма дорогостоящи, и ведет значительную торговлю. Он находится в шестидесяти косах от Мултана, в ста двадцати косах от Бикканира и в шестидесяти от Дера-Гхази-хана.

Барра-Ахмедпур из простого военного лагеря превратился в обширный торговый город, а также в главную резиденцию хана. Он расположен на краю пустыни. Килла, или дворец правителя, еще не закончена. Дома в целом убоги, но сады хороши. Благодаря покровительству хана его можно считать растущим городом, тогда как Бахавалпур приходит в упадок.

Уч, возможно, древнейший из городов страны. Это название носят два города, расположенные рядом друг с другом. Один из них, Пир-ка-Уч, пожалован Пиру Нассирадину, духовному наставнику хана. В обоих хорошие базары и существует некоторая торговля. Поскольку они стоят на Гаррахе, лодки с зерном часто спускаются из обоих Учей в Синд. Однако главным образом эти места отличаются развалинами предшествовавших им прежних городов, весьма

обширными и свидетельствующими о былом процветании этой местности. Они находятся в восемнадцати косах от Ахмедпура и примерно в сорока косах от Мултана.

Ханпур находится в сорока косах от Барра-Ахмедпура. Его окружает удивительно плодородная страна, и он служит складочным местом для индиго, риса и всех видов зерна. Он не может претендовать на звание красивого города; и, судя по объему торговли, его также нельзя назвать большим. У некоторых индусов просторные дома, однако в целом жилища весьма плохи. Древние стены рухнули и не были восстановлены. За их развалинами находится много полуразрушенных сараев и других строений. Крепости здесь нет; и содержать гарнизон также не считается необходимым.

Чута-Ахмедпур — город довольно значительного размера, с хорошим базаром и окруженный глинобитными стенами. Внутри них имеются несколько более поздних укрепленных сооружений, однако они стоят отдельно и не связаны друг с другом, так что, по-видимому, были возведены согласно плану, который так и не был доведен до конца, что, вероятно, действительно имело место. В остальном они хорошо построены из обожженного кирпича. Поскольку Ахмедпур является пограничным городом со стороны Синда, там стоит полк в триста пятьдесят человек с шестью пушками.

Гуджугар-Валла, Чанни-хан-ди-Гот, Гхазипур и Кинджер — все небольшие, но торговые города, главным образом торгующие зерном, произведенным в стране.

Пуларах, на границе Бикканира, имеет хороший базар, но, возможно, не ведет особенно значительной торговли. Прилегающая крепость некогда была для этих мест превосходным сооружением, однако теперь печально обветшала. Когда-то у нее был хороший ров; стены очень высоки, а зубцы со вкусом украшены. Дом килледара возвышается над валами, и все сооружение имеет старинный и живописный вид, особенно с северной стороны, где стены омываются большим водным пространством, в котором находится небольшой остров, усеянный деревьями. В Пуларахе имеется три пушки.

Мурут — город важный с точки зрения торговли зерном, но мало примечательный своим видом. Он окружен глинобитными стенами значительной протяженности и усилен многочисленными башнями. Здесь размещается полк с шестью пушками.

Моз-Гхар меньше Мурута, однако примыкающая к нему крепость представляет собой высокое сооружение из обожженного кирпича. На западной стороне стены пробиты пушечными ядрами, что, как нам рассказывают, произошло во время осады, которую крепость выдержала от первого Бахавал-хана. Пробоины никогда не заделывали, считая их свидетельством упорства обороны и прочности крепости. Однако на деле они показывают ее слабость, поскольку позволяют увидеть малую толщину стен. К востоку от крепости находится водоем, затененный рощей, среди деревьев которой растет огромный пипал, предмет почитания индусов города. На небольшом расстоянии к северу находится мусульманская гробница, красиво украшенная глазурованными голубыми и белыми изразцами.

Поскольку Гудиана является пограничным городом, там стоит полк с приданными ему пушками. Говорят, что там хороший базар и ведется некоторая торговля.

Главная крепость государства — уже упомянутый Даравал, равноудаленный от Ахмедпура и Бахавалпура, то есть находящийся в восемнадцати косах от каждого из них. Его считают сильным, и, возможно, на него действительно потрачено немало заботы, поскольку ханы всегда выбирали его местом хранения своих сокровищ и убежищем на случай вторжения. Однако главным его преимуществом в таком случае, по-видимому, служит само положение и трудность, с которой осаждающая армия смогла бы прокормиться в его окрестностях, ибо за стенами воду нельзя достать ближе чем в девяти косах. Уже было видно, что пустыня между столицей и Бикканиром обильно усеяна крепостями, которые прежде были нужнее, чем теперь. Помимо перечисленных, гхарри, или замки, в Джам-Гхаре и Михр-Гхаре построены из обожженного кирпича, но гарнизонов в них больше нет. В шести косах от Чута-Ахмедпура нахо-

дится Фазилпур, также гхарри, с гарнизоном в сто пятьдесят человек, который выделяет отряд из пятнадцати человек в Кандери, разрушенный замок в пустыне по направлению к Джессалмиру. Кандери находится в двадцати семи косах от Фазилпура и отмечает предел владений хана.

Войска состоят из семи пехотных полков по триста пятьдесят человек каждый, всего две тысячи четыреста пятьдесят. К каждому полку придано по шесть пушек, что позволяет предположить около четырехсот артиллеристов. Кроме того, имеются пешие роты рохиллов и патанов численностью по пятьдесят, сто и двести человек каждая под началом своих офицеров, причем каждая имеет два или три нишана, или знамени, смотря по обстоятельствам. Эти люди, возможно, в общей сложности составляют тысячу человек. Кроме того, имеются всадники на постоянном жалованье, число которых едва ли превышает две-три тысячи. Общая численность армии может составлять от шести до семи тысяч человек. Они плохо снаряжены, получают жалованье нерегулярно и, как я подозреваю, не отличаются большой воинственностью. Полки не имеют никакой дисциплины. Местные жители утверждают, что военная сила составляет четырнадцать тысяч человек, и это, думаю, может быть верно лишь при включении всех джагирдаров и прочих, кого можно было бы собрать в случае необходимости.

Годовой доход оценивается в восемнадцать лакхов рупий, половина которых выплачивается сикхам. Однако хан арендует у них город и область Дера-Гхази-хан за три лакха рупий; и полагают, что он получает от этого два лакха прибыли.

Нынешний правитель Бахавалпура принадлежит к джатской семье, называемой Даудпутра, или сыновья Давида. Прежде они жили в окрестностях Шикарпура, но, став многочисленными и, возможно, непокорными, были изгнаны; переправившись через Инд, они овладели страной, где учредили отдельные и независимые владения. Многие из их вождей строили города, которым давали свои имена; отсюда Бахавалпур, город Бахавала; Ахмедпур, город Ахмеда; Фазилпур, город Фазила; Сабзул-Кот, кот, или крепость, Сабзала; и так далее.

В истории Амира Таймура упоминается печально известный разбойник по имени Дауд, действовавший в окрестностях Шикарпура; и этот добрый человек, возможно, был предком нынешних Даудпуртов. Я не знаю, как долго различные вожди существовали независимо или под верховной властью Дели, однако распад Чагатайской империи позволил Бахавал-хану, деду нынешнего хана, подчинить их всех и стать единовластным правителем. Он приобрел такое могущество, что стал грозой своих соседей и отвергал требования дани, предъявлявшиеся ему дуранийским монархом Кабула Таймур-шахом, которому пришлось добиваться ее силой армии. Бахавал-хан умер в преклонных летах и в славе, и ему наследовал сын, Садат-хан, хорошо известный европейцам благодаря сердечному приему британского посольства в Кабул в 1808 году. Позднее он вступил в затруднительные отношения с махараджей Ранджит-Сингхом, чьи завоевания распространили его власть на Мултан; и Садат-хан, не будучи способен ему противостоять, был вынужден купить мир покорностью и ежегодной данью. Вскоре он умер и оставил ослабленную власть нынешнему Бахавал-хану.

Этот правитель, как я уже отмечал, имеет располагающую внешность и, насколько я полагаю, вообще пользуется популярностью. Его министры в значительной степени освобождают его от тягот управления, а время его главным образом занято развлечениями, среди которых наиболее заметен шикар, или охота. Однако у него есть и другие умения, и он весьма сносный механик.

После моего посещения Бахавалпура ход событий в этих краях привел к заключению договора между ханом и правительством Индии, благодаря которому его отношения с сикхами были поставлены на прочную основу, а при его дворе поселился британский резидент, или агент. В начале несчастной экспедиции против Кабула в 1838 году неловкость политического чиновника, которому было поручено добиться от хана необходимого содействия, едва не поставила правителя в трудное положение перед британским правительством, и в отчаянии

он подумывал покончить с собой, приняв яд. К счастью, сэр Генри Фейн, следуя в Бомбей, спустился вниз по Сатледжу и Гарраху и посетил Бахавалпур. Его прямые манеры рассеяли сомнения и опасения растерянного правителя, и сэр Генри имел удовольствие спасти доброго человека от грозивших ему бед.

ГЛАВА III.

Отъезд из Ахмедпура. — Страна между Ахмедпуром и Индом. — Инд. — Дера-Гhazi-хан. — Рождество. — Отъезд из Дера-Гhazi-хана. — Армия Бахавалпура. — Прибытие к границе Санг-Гхара. — Тревога в лагере. — Прибытие в Санг-Гхар. — Ассад-хан. — Санг-Гхар. — Доход Ассад-хана. — Его храбрость. — Его судьба. — Страна между Санг-Гхаром и Дера-Фати-ханом. — Дера-Фати-хан. — Суеверие Ранджит-Сингха. — Геронг. — Дера-Исмаил-хан. — Разрушение старого города. — Рост нового. — Его крепость. — Доход. — Военная сила. — Прежний наваб, лишенный владений сикхами. — Страна вокруг Дера-Исмаил-хана. — Ее возможности. — Происхождение трех Дера. — Наваб Шир-Махомед-хан. — Его развлечения и характер. — Шерин-хан, вазир.

Я уже приготовился к отъезду из Ахмедпура, когда узнал, что Якуб-Махомед-хан, главный министр хана, или вазир, отправляется с армией в Дера-Гhazi-хан и Санг-Гхар, чтобы принудить мелкого правителя последнего места платить дань. Поэтому мне отчасти пришлось сообразовать свой путь с движениями вазира, поскольку оба места лежали на моей дороге и, возможно, было бы неблагоприятно вступать в округ Санг-Гхара до достижения какого-либо соглашения. Поэтому я следил за планами Якуб-Махомед-хана; и когда он наконец выступил из Ахмедпура, я сделал то же самое.

Расстояние от Ахмедпура до Дера-Гhazi-хана считается равным шестидесяти косам, или девяноста милям. На дороге встречается множество деревень и небольших городов, а также два или три более значительных, например Уч, Кинджер и другие. Некоторые из них принадлежат сикхам, чья территория на этой границе причудливо врзается во владения хана Бахавалпура; и я заметил, что все места под властью сикхов выглядели более процветающими, чем те, которые находились под мусульманским правлением, и при этом были значительно чище, что я объяснял тем, что индусы, всегда составляющие основное население, при сикхском владычестве чувствовали себя свободными показывать свое богатство, тогда как при мусульманских господах старательно его скрывали. Поверхность страны в целом была покрыта джангалом из высокой травы и тамарисков, местами столь густым, что пробираться через него было трудно. Однако я подозреваю, что нас вели кружным путем и что существовала гораздо лучшая и более открытая дорога, по которой двигалась армия. Джангал кишел дикими свиньями и оленями, а во многих местах мы замечали вытоптанную и примятую траву, показывавшую, что здесь происходили охоты хана. В таких случаях большое пространство окружают толпы людей, собранные со всей округи. Они постепенно сжимают круг вокруг павильона, в котором сидит их правитель с избранными слугами, гонят перед собой животных, запертых внутри этого кольца, а затем он неторопливо целится в них и измеряет свой триумф числом беспомощных жертв, которых повалил на землю.

Не без волнения я приблизился к реке Инд, освященной столькими историческими воспоминаниями и ныне служащей границей, как некогда, возможно, она была прародиной индустских народов. Я застал ее, вероятно, почти при самом низком уровне воды; и все же ее русло было чрезвычайно широким и в месте нашей переправы должно было достигать трех миль. На переправе имелись две или три лодки, но широкая полоса песка и редкие камыши и кусты по краям противоположных берегов придавали виду такую пустынность, которую могли скрасить лишь сильные исторические ассоциации. По берегам было множество следов тигров, которые, судя по этим признакам, должны встречаться здесь очень часто, хотя их редко видят и, как я узнал, они редко причиняют вред. Однако меня занимало и другое глубокое чувство, когда я размышлял о людях и картинах, которые собирался оставить позади, и о неведомых землях и народах, которые переход через реку откроет моему наблюдению. Если на мгновение мой ум

омрачало сомнение, его прогоняло чувство гордости оттого, что я проник уже так далеко, и оно побуждало меня идти дальше.

Через три или четыре мили за рекой мы вступили в огромное скопление финиковых рощ и садов, среди которых расположен большой, многолюдный и торговый город Дера-Гхази-хан. В самом городе нам отвели хорошие помещения, и мы не пожалели, что придется задержаться там на несколько дней, поскольку Якуб-Махомед-хану требовалось некоторое время, чтобы завершить приготовления, прежде чем предпринять враждебную демонстрацию против Санг-Гхара, находившегося теперь в тридцати косах.

Город Дера-Гхази-хан, еще за несколько лет до того бывший резиденцией дуранийского губернатора, заключал в своих пределах множество следов, которые, показывая его нынешнее униженное политическое положение, одновременно указывали на прежнее процветание. К ним относились большие кирпичные дома с обширными садами, либо заброшенные, либо занятые бедными жильцами, и общественные мечети, оставленные без ухода и приходившие в упадок. Базары не могли похвастаться ни внешним видом, ни даже чистотой, однако оставались просторными и хорошо снабженными, а купцы вели значительную торговлю, поскольку Дера является одним из торговых пунктов, посещаемых лоханийскими купцами Афганистана, и одновременно ведет хорошую торговлю с ближайшими окрестностями.

Во время нашего пребывания здесь мы провели Рождество, и изобилие всего позволило нам щедро угоститься, причем мы наслаждались роскошью свежего винограда, груш и яблок, которые торговцы привозили из садов Кабула. Ночи здесь были особенно холодными, а дни столь же теплыми; действительно, резкие перемены температуры делают Деру нездоровым местом, и чужеземцы подвержены перемежающейся и другим лихорадкам.

Мусульманские жители много жаловались на несчастье находиться под властью сикхов, тогда как индусы присоединялись к ним в осуждении алчности правителя Бахавалпура, который арендует сбор доходов у махараджи Ранджит-Сингха. Обе стороны также сходились в сожалении о том, что власть Дурани ушла в прошлое. Среди прежних губернаторов они с любовью вспоминали наваба Джабар-хана, превознося его щедрость и человечность.

Когда вазир наконец был готов к выступлению, мы отправились вместе с ним и сумели провести ночь в деревне возле места, где он расположился лагерем со своими войсками. Теперь у нас была лучшая, чем прежде, возможность рассмотреть его небольшую армию и ее состав. В ней было около трех тысяч человек, конных и пеших, с шестью пушками. Внешний вид солдат говорил не в их пользу; и если по нему можно было судить об их доблести в бою, я счел бы их счастливыми, если бы им удалось избежать столкновения с решительным противником. Когда я спросил, какими средствами сопротивления располагает хан Санг-Гхара, мне ответили, что лично он храбрый человек и имеет отряд из семисот хороших всадников, главным образом афганцев, которые одни стоят больше всей силы вазира, не считая менее ценимых пеших ополчений из его райятов, или подданных.

Однако наиболее осведомленные не ожидали, что дело дойдет до столкновения; предполагалось, что после некоторого бахвальства хан с максимально возможным достоинством покорится и заплатит требуемую от него дань в тридцать тысяч рупий, поскольку, даже если бы ему удалось разбить вазира, он стал бы опасаться навлечь на себя большую сикхскую армию, и тогда ему пришлось бы покинуть свою страну.

По землям, зависимым от Дера-Гхази-хана, мы шли без особого порядка и предосторожностей; но, вступив во владения Санг-Гхара, вазир стал проявлять больше бдительности, особенно потому, что ходили упорные слухи о воинственных намерениях хана. В самом деле, мы остановились в первой же деревне, и Якуб-Махомед-хан не проявлял никакого желания двигаться дальше, словно ожидая прибытия своего противника, который, как говорили, шел ему навстречу. Нас разместили в этой деревне, стоявшей на возвышении, и оттуда открывался прекрасный вид на лагерь на равнине внизу. Задержка стала столь утомительной, что мы от

всей души желали, чтобы дело решилось так или иначе и мы могли продолжить путь; с точки зрения безопасности мы, несомненно, могли бы это сделать, но вазир, похоже, этого не хотел. Случилось так, что однажды после полудня в лагере подняли тревогу: говорили, будто силы Санг-Гхара идут полным ходом вперед и напали на фуражиров. Якуб-Махомед-хан немедленно сел на коня и поехал навстречу врагу, за ним в величайшем беспорядке последовали конница и пехота. Пушки оставили в лагере, который совершенно опустел. Около заката войска вернулись, не встретив никакого врага, которого, вероятно, и не особенно искали; однако перед вазиром били нагары, или литавры, с таким шумом и торжественностью, словно он одержал победу.

Через два или три дня соглашение было достигнуто: правитель Санг-Гхара заплатил или обязался заплатить требуемую от него сумму, и Якуб-Махомед-хан ушел от его границы.

Теперь мы направились по дороге в Санг-Гхар, где нас учтиво приняли и гостеприимно угостили у Ассад-хана, правителя, еще совсем недавно настроенного столь воинственно. Как я узнал, он был белуджем по происхождению, крепким и приятным на вид мужчиной лет сорока пяти. Он жаловался на посягательства сикхов и сетовал, что у него нет более сильных средств противостоять им. Кроме того, он очень хотел получить укрепляющие лекарства. Этим я не мог его снабдить; что же касается его положения по отношению к сикхам, я понимал, что оно несчастливо, поскольку не требовалось большого предвидения, чтобы убедиться: его небольшая территория, окруженная землями столь могущественных соседей, едва ли в конце концов ускользнет из их рук, и правителю можно будет считать себя счастливым, если он избежит того, чтобы его хитростью заманили в плен, и сумеет стать беглецом в горах, где, утратив владения предков на равнине, он по крайней мере сохранит личную свободу.

Хан жил в довольно обширной глинобитной крепости, укрепления которой, однако, были сильно разрушены. Рядом стояли жалкие хижины его солдат, а на небольшом расстоянии — базарная деревня Мангалот. Название Санг-Гхар, то есть «каменная крепость», пусть и не слишком уместно, применяется к этой глинобитной крепости. Однако оно означает просто сильное место, каким жители этой страны считают Санг-Гхар, и они нередко были недовольны, обнаруживая, что я не могу с ними согласиться. Доход государства, как говорили, составлял один лакх двадцать тысяч рупий, из которых, как уже было показано, хан Бахавалпура по наущению сикхов или просто пользуясь правом более сильной стороны заставляет выплачивать тридцать тысяч рупий.

Справедливость требует отметить, что Ассад-хан не в одном столкновении доказал себя храбрым воином и однажды одержал блестящее преимущество над сикхским губернатором Манкираха в сражении на берегах Инда. Через несколько лет после того, как я его видел, сикхи решили завладеть Санг-Гхаром и добились этого после упорной борьбы, в ходе которой Ассад-хан подтвердил прежнюю репутацию и нанес им два или три поражения. Он нашел убежище в горах, и с тех пор о нем почти ничего не было слышно.

Продолжая путь от Санг-Гхара на север, мы прошли полосу земли, зажатую между рекой и горными цепями к западу, причем дорога временами приближалась то к одному, то к другому. Предгорья отличались уже иной растительностью, и нам было приятно дышать более чистым воздухом. Деревень стало меньше, и построены они были очень бедно; жители были патанами и говорили на пушту, хотя обычно понимали и язык Пенджаба. Возделываемые культуры были такими же, как в южных областях, а крупную репу выращивали в больших количествах на корм скоту. Повсюду на густых пастбищах джангала паслись стада буйволов.

После тридцати косов пути мы вышли за границу хана и вступили в более плодородную область, зависимую от города Дера-Фати-хан, которым владели сикхи. Он меньше Дера-Гhazi-хана, но чист и имеет хороший, хорошо снабженный базар. Земледелие вокруг него не только широко распространено, но и разнообразно: помимо сахарного тростника имелись поля мака, из которого получают некоторое количество опиума. Деревни выглядят более благоустроен-

ными, чем в Санг-Гхаре, что по меньшей мере свидетельствует о мягкости и охранительном влиянии сикхского правления, хотя для их мусульманских подданных никакие преимущества не способны возместить саму мысль о подчинении неверным и запрет резать коров и произносить азан, или призыв к молитве.

Округ, принадлежащий Дера-Фати-хану, простирается примерно на десять косов к югу и около пяти косов к северу, где соприкасается с территорией Дера-Исмаил-хана. Заслуживает внимания, что это единственная область к западу от Инда, которую махараджа Ранджит-Сингх действительно удерживает непосредственно, хотя все страны, непосредственно прилегающие к этой реке, он подчинил даннической зависимости. Я слышал замечание, что у него существует суеверное представление, заставляющее его избегать учреждений на западном берегу. То, что в данном случае он преодолел подобный предрассудок или отступил от принятой политики, может объясняться особым плодородием округа и тем, что было сочтено полезным занять Геронг, крепость, считающуюся сильной, примерно в трех косах к западу от города, где имеются несколько пушек и гарнизон в триста человек. В самом Дера-Фати-хане войск не было.

От Дера-Фати-хана наша дорога по большей части шла вдоль берегов реки; джангал становился гуще, деревни располагались все дальше друг от друга и были построены все грубее, поскольку мы теперь находились во владениях другого мусульманского правителя — наваба Дера-Исмаил-хана. Там, где земля возделывалась, выращивали пшеницу и репу. В это время года пшеница только показалась над землей; и существует обычай пускать скот пастись на молодых всходах, что, как утверждают, не только не вредит им, но значительно увеличивает силу и урожайность взрослых растений.

Сорок косов привели нас в Дера-Исмаил-хан, непосредственно перед которым мы прошли большую деревню Морад-Али. Эта Дера — новый город примерно в трех милях от реки; его предшественник, стоявший у самой воды, около трех лет назад был смыт наводнением. Разрушение было столь полным, что от большого и хорошо укрепленного города не осталось ни единого следа, свидетельствующего о его прежнем существовании. Лишь две или три финиковые пальмы пережили гибель его рощ и садов и теперь с изящным величием возвышают вершины среди окружающего запустения.

Новый город обещает стать весьма обширным. Базар уже просторен и имеет удобную ширину, что представляет собой улучшение по сравнению с обычным устройством индийских городов, где именно базары чаще всего оказываются самой узкой и тесной частью. После разрушения старого города деревня Морад-Али приобрела значение, поскольку туда временно переселились наваб и жители; а так как новый город находится от нее примерно в двух косах, со временем они, вероятно, сольются. Действительно, различные здания вместе с сараями уже почти заполняют промежуточное пространство. Дера-Исмаил-хан — один из крупнейших торговых центров на Инде и складочное место для товаров Индии и Хорасана, проходящих этим путем. Мало мест имеют большее торговое значение. Главным источником дохода служат взимаемые пошлины. Новая крепость не отличается силой, поскольку сикхи запрещают возводить слишком прочное оборонительное сооружение. Она невелика, имеет прямоугольную форму и угловые башни, на которых установлено шесть орудий, взятых в столкновении с правителем Така. Стены высоки, но рва нет. Внутренняя крепость, или укрепленная резиденция семьи наваба, защищена рвом; стены высоки, а отдельные стороны обороняются джиджалами.

Округ, принадлежащий Дера-Исмаил-хану, простирается примерно на сорок косов к северу и на тридцать пять к югу. Кроме того, наваб взыскивает дань либо в свою пользу, либо в пользу сикхов с большинства мелких правителей вокруг него, например Калайчи, Даррабанда, Марвата, Иса-Хеля и Калабага. Его валовой доход может составлять около трех лакхов рупий, из которых половину забирают сикхи. Его постоянная военная свита невелика, но в случае нужды он созывает ополчение из своей страны и соседних областей. Когда я находился в этой стране, пришлось собрать отряд для похода против Марвата, и я с удивлением увидел на рав-

нини войско в две тысячи всадников, сравнительно хорошо снабженных лошадьми и снаряжением.

Отец нынешнего наваба, которого мистер Элфинстон посетил в 1808 году, владел плодородной страной к востоку от реки, включавшей богатые и населенные округа Баккар, Лия и Манкирах, тогда как на западной стороне его власть простиралась до Санг-Гхара. Сикхи лишили его владений, и вскоре после этого он умер. Завоеватели выделили сыну, нынешнему навабу Шир-Махомед-хану, полосу земли к западу от Инда на содержание его самого и семьи.

В семи косах к северо-западу от Деры находится небольшой базарный городок и отдельно стоящий замок Куя. В нем стоит гарнизон из пятидесяти человек, и это пограничный пост со стороны Така. В двенадцати косах к северу расположен город Пахарпур, находящийся, как указывает его название, у подножия холмов. Кроме них, других мест, заслуживающих названия городов, нет, если не считать уже упомянутый Морад-Али. Новый город снабжается водой из колодцев, и ее считают нездоровой. Страна вокруг Дера-Исмаил-хана могла бы стать чрезвычайно продуктивной, если бы удалось провести по ее обширной и ровной поверхности каналы из Инда. Заброшенная пустошь превратилась бы в возделанный сад, а обильные урожаи быстро окупили бы затраты. Говорят, наваб хотел снабдить новый город хорошей водой, проведя канал из реки Гомал, которая течет через территорию Така, но правитель этого места, чье согласие было необходимо, его не дал. Нельзя сказать, что непосредственно вокруг Дера-Исмаил-хана существует настоящий джангал: широкая открытая равнина лишь местами усеяна кустами карита, чьи красные цветы весной имеют восхитительный вид. Возле деревень всегда имеется несколько деревьев бер, плоды которых едят, а иногда встречается *palma ricinus* с пучками алых цветов; других деревьев нет. Туберозы здесь растут в диком виде и, поднимаясь без всякого ухода в джангале, при культивировании становятся любимыми цветами цветника.

Можно отметить, что три Деры к западу от Инда имеют возраст почти в триста лет и, следовательно, заменили более древние города. Первоначально они были дерами, или лагерями, вождей, имена которых теперь носят, и эти люди упоминаются у Феришты, а в «Истории» Доу это изложено так: «В 1541 году или около того Исмаил, Гхази, Фати и Биллока Дуда, (Дода Белудж?) — все губернаторы различных провинций в этой части страны — признали титул Шира».

Навабу Шир-Махомед-хану около тридцати пяти лет. Хотя считается, что он остро ощущает свое зависимое положение от сикхов, огорчение не мешает ему быть тучным, как и подobaет навабу, или развлекаться множеством детских забав. По-видимому, главным занятием окружающих его людей действительно является поиск предметов, способных вызвать его смех и помочь ему коротать жизнь. Поэтому он содержит скрипачей, борцов, зрителей медведей и обезьян и нередко наслаждается зрелищем схватки пони в своих цветочных садах. Когда одно животное хорошенько встряхивает другое за шею, наваб хлопает в ладоши и кричит: «Вах! вах!» Его приближенные делают то же самое, и комнаты наполняются хлопками и криками «Вах! вах!» Удивительно, с каким восторгом, по-видимому, все предаются этой забаве. Он любит охоту и очень искусен с луком. Он также гордится своей силой, и утверждают, что он способен сломать рога живому быку. Если не считать этих слабостей, он добр и добродушен и очень внимателен к своей матери. Его министром был Шерин-хан, дурани, чья власть была столь велика, что тяготила наваба.

Между ними существовало глубокое недоверие; и когда наваб набирал людей, министр, живший в Морад-Али, делал то же самое. Именно последний командовал войском, которое некоторое время назад разбило армию Така, и, как говорят, получил от Сирвар-хана один лакх рупий в качестве взятки за заключение мира. Пока я находился в Дере, Ранджит-Сингх приказал навабу явиться в Лахор. Тот, соответственно, начал готовиться к поездке и потребовал от Шерин-хана денег на снаряжение и расходы. Министр заявил, что не способен удовлетворить эти требования; после чего началась резкая ссора, и наваб решил проверить его счета. Я уехал

до того, как дело было улажено, но позже узнал, что Шерин-хан счел разумным удалиться в Бахавалпур.

ГЛАВА IV.

Встреча с навабом. — Саркис, армянин. — Развлечения. — Индуист Госен. — Сикхи. — Маха-Сингх. — Хули. — Базар. — Кайса-Гхар. — Отъезд из Дера-Исмаил-хана. — Так. — Цитадель. — Предсказание факира. — Фрукты. — Базар. — Доход. — Военная сила. — История Сирвар-хана. — Его сыновья. — Алладад-хан. — Дарбарра. — Нездоровье Така. — Красота садов. — Представление Сирвар-хану. — Встреча с Алладад-ханом. — Пирушки Алладад-хана. — Представление Иммат-хана, вакила Синда. — Сикхский отряд. — Анекдот о Сирвар-хане. — Отъезд из Така.

Навабу вскоре сообщили о моем прибытии, и столь же скоро он передал желание меня видеть. Во время последовавшей встречи он был весьма любезен и в конце ее особо распорядился оказывать мне всяческое внимание; извиняясь за то, что незавершенное состояние зданий не позволяет предоставить мне дом для проживания, он приказал поставить палатки внутри цитадели, где жил сам. Некоторое время я оставался его гостем, часто виделся с ним и всегда находил его чрезвычайно приветливым в обращении и совершенно свободным от всякой напускной церемонности или важности. Однажды он показал разнообразные предметы, принадлежавшие, как он сказал, некогда Саркису, армянскому купцу или путешественнику, убитому в его владениях афганскими или рохильскими слугами.

Среди них были армянские Библии и молитвенники, различные счета и множество английских шарлатанских лекарств, свойства и достоинства которых навабу очень хотелось узнать. Я объяснил ему чудеса, которые, согласно прикрепленным к ним ярлыкам и бумажкам, эти средства обещали совершать, но настойчиво просил его проявить достаточно благоразумия и не употреблять их, поскольку возраст, вероятно, уже ослабил их действенность, если таковая вообще когда-либо существовала. Он также представил мне бывшего раба несчастного армянина, который подробно рассказал, каким образом его хозяин был убит.

Наваб никогда не забывал посылать за мной, когда происходило какое-либо развлечение; а повторялись они столь беспрерывно, что требовалась некоторая философия, чтобы терпеливо сидеть во время представлений. Когда ничего более необычного под рукой не было, прибегали к его музыкантам и певцам; и их концерты, хотя и чрезвычайно приятные для него, были для меня едва ли не самым неприятным из всех развлечений. Иногда он давал понять, что хотел бы, чтобы я остался у него, а его люди старались склонить меня поступить к нему на службу, но я дал им понять, что это невозможно; и наваб, возможно сознавая, что побуждений к этому немного, настаивать не стал. Поскольку европейцев считают непременно искусными артиллеристами, он не раз приказывал вывезти свои пушки на равнину и стрелять по мишени. Однако наводил их он сам, и когда выстрел получался достаточно удачным, он семенял прочь, словно скромность мешала ему слушать раздававшиеся похвалы.

В Дере жил индуистский Госен, пользовавшийся большой славой, которого я посетил, поскольку он прислал мне сообщение, что Элфинстин-Сахиб оказал ему такую же честь. Как бы то ни было, этот мудрец Брахмы оказался мягким старым господином. Он принял меня весьма учтиво и, когда я уходил, отправил вслед за мной домой поднос со сладостями.

В Дере также жили два сикхских слуги Хари-Сингха, наместника махараджи Ранджит-Сингха на его западных границах. Они занимали большой дом в городе, и я один или два раза их посещал. В одной из их комнат находился Грантх, или священная книга сикхов; многие банья обычно приходили туда читать ее, что они всегда делали вслух. Ее хранили с величайшей заботой и приближались к ней с почтением. Я еще находился в этом городе, когда прибыл Маха-Сингх, один из офицеров Хари-Сингха, с шестьюдесятью всадниками, требуя сумму в шестьдесят тысяч рупий и привезя навабу приказ явиться к махарадже в Лахор. Эти люди переправились через реку и однажды утром внезапно вошли в цитадель еще до того, как

наваб поднялся. Они говорили очень громко, спрашивая, что это за дарбар в Дере, если некому их принять. Уклониться от требования или сопротивляться ему было невозможно, и Маха-Сингх со своим отрядом расположился в городе, где его роскошно содержали за счет наваба до тех пор, пока тот не сможет выплатить требуемую сумму.

Подобным же способом Хари-Сингх собирает дань с мелких правителей к западу от Инда; и одновременно другой отряд такой же численности был отправлен с аналогичным поручением к Сирвар-хану, навабу Така. Во время пребывания Маха-Сингха наступил индуистский праздник Хули. Прежде индусы не праздновали его публично, но в этом году им не только дали разрешение, но наваб пожаловал своим индуистским солдатам двести рупий, чтобы они могли развлечься как следует, лишь предписав им из уважения к чувствам его престарелой матери воздерживаться от веселых проявлений в пределах цитадели. Маха-Сингх пригласил меня посмотреть празднества у него и был весьма учтив, хотя по прибытии объявил меня агентом Компании.

Как уже можно было видеть, в Дере развлечений не доставало, а сам базар с его огромным скоплением чужеземцев, пожалуй, представлял наиболее интересное зрелище. Здесь можно было встретить многочисленных посетителей из диких горных племен, одетых в войлочные плащи и грубые сандалии. Многие были людьми исполинского роста, и сильное любопытство заставляло желать узнать, из каких земель они пришли и к каким народам принадлежали. Кроме того, из Деры к западу видна великолепная гора Кайса-Гхар, или Тахт-Сулейман, прославленная преданиями как место, на котором остановился ковчег, и как прародина афганских народов.

Обитаемые части ее заняты ширани, беззаконным племенем, владеющим также более низкими холмами между нею и равниной. Их соседями являются михрани, их товарищи по грабительским походам и обладатели столь же дурной славы. Растительные богатства Кайса-Гхара очень превозносят, и говорят, что какое бы растение или дерево ни встречалось в других странах, оно непременно найдется и здесь. Ели и оливы в изобилии растут на его склонах, как вообще и на меньших холмах этой цепи. Погода начинала становиться знойной, а бездействие — тягостным, и мои мысли обратились к Кабулу и его прохладному климату. Я едва ли был в состоянии должным образом оценить получаемые сведения о лучшем пути туда, но в конце концов решил добраться до Така и попытаться найти попутчиков на дороге, которой следовали лоханийские купцы. Поэтому я простился с добрым навабом Деры и отправился в Кую, небольшую базарную деревню с замком, находившуюся в семи косах. Затем у Поте я вступил на территорию Така и, оставив позади Оттару и множество деревень, достиг города того же имени, считавшегося расположенным в тридцати косах от Дера-Исмаил-хана. Страна от Куи до Поте была достаточно бесплодна, но дальше хорошо возделана, поскольку воды там много; и помимо различных видов зерна производится много хлопка. Во всех деревнях меня принимали учтиво, и добывать пищу и ночлег мне было нетрудно.

Подступ к Таку с востока отмечен аллеей взрослых мимоз, тянущейся, вероятно, на три мили. Сам город окружен глинобитной стеной довольно большой высоты и прочности; на ней много башен и имеется двое или трое ворот. Внутри города находится цитадель, где живет правитель; стены ее высоки и усилены широким и глубоким рвом. Она построена из обожженного кирпича, а на четырех углах стоят просторные башни, снабженные двенадцатью или тринадцатью артиллерийскими орудиями. Внутреннее устройство этой крепости чрезвычайно запутанно; и Сирвар-хан, который ее спланировал, по-видимому, твердо решил лишить соседей возможности выгнать его из гнезда. Это самое массивное оборонительное сооружение, какое я видел в этих краях, если не считать Геронга, которого я не видел. Сирвар-хан, наваб, постоянно что-нибудь строит. Никто не знает, что именно он делает, но все видят, как рабочие, нагруженные кирпичами и мусором, входят в ворота его цитадели и выходят из них. Полагают, что

некий факир предсказал ему, будто продолжительность его правления и благополучия зависит от того, чтобы он никогда не прекращал строить.

Так славится своими фруктами, которые обильны и дешевы. В его садах растут виноград, апельсины, гранаты, цитроны, сливы, яблоки и прочее. К востоку от города находится огромная роща шахтута, или длинной шелковицы, деревья которой достигли размеров, больших, чем я наблюдал где-либо еще. Городской базар невелик, и я не думаю, что торговля здесь значительна, во всяком случае не настолько, чтобы привлекать на постоянное жительство богатых индусов, как в Калайчи и Дере. Доход Сирвар-хана оценивается в полтора лакха рупий, из которых часть, как я полагаю, шестьдесят тысяч рупий, взыскивают сикхи. Поскольку он враждует со своими соседями на равнине, он содержит на жалованье около тысячи человек, главным образом рохиллов, получающих небольшую плату. Однако вследствие какого-то недоразумения эти люди покинули его, когда я находился в этих краях, и, думаю, он не считал нужным заменять их. Говорят, у него имеется значительное богатство в монете и драгоценностях. В начале своего правления он объявил себя единственным собственником земель страны, а крестьян — своими рабами; благодаря этому он получал прибыль со всей их продукции.

История этого вождя достаточно необычна, чтобы заслуживать упоминания. Едва он увидел свет, как его отец, также правивший в Таке, был убит изменником, который захватил власть. Чтобы укрепиться в ней, узурпатор умертвил семью прежнего государя, за исключением Сирвара, которого, младенца, кормилица спрятала в глиняный кувшин и вынесла из города на голове. У ворот эта добрая женщина заявила, что несет кувшин с молоком. Она добралась до безопасного места и вырастила молодого хана как собственного сына. Когда он достиг сознательного возраста, она рассказала ему об обстоятельствах его рождения. Тогда он явился к Ахмед-шаху, первому дуранийскому государю, и попросил его помощи, чтобы вернуть земли своих предков. Помощь была оказана, и Сирвар-хан, в свою очередь, убил узурпатора вместе с его родственниками. Затем он сложил их головы в кучу и, сидя на них, призвал к себе вождей и старейшин страны. Он спросил, готовы ли они признать его своим правителем. Получив утвердительный ответ, он объявил, что в силу своей власти возвращает себе все земли и что они теперь не его подданные, а его рабы. Я полагаю, что попытка посягнуть на свободы народа стоила отцу Сирвар-хана жизни; потому сын, вероятно, считал себя вправе столь решительно отстоять память отца. Утвердившись на маснаде, он восстановил город Так и построил просторную цитадель как ради безопасности, так и ради удовольствия, после чего, по-видимому, посвятил себя накоплению сокровищ и удовлетворению чувственных склонностей. Его женана, или женское хозяйство, насчитывает более двухсот женщин, а он сам вместе с семьей свободно предается запрещенным удовольствиям вина, хотя другим запрещает его употребление по соображениям нравственности и потому, что оно противоречит предписаниям Корана.

Сирвар-хан теперь уже в преклонных летах и имеет трех сыновей: Алладада, Холадада и Сахибадада. Старшего, Алладада, называют вазиром, и внешне именно он ведает государственными делами, проводит дарбары и освобождает отца от всех подробностей управления. Молодой человек — пьяница, однако в стране его любят за храбрость и щедрость. В войне с навабом Деры около четырех или пяти лет назад он командовал войсками Така численностью около четырех тысяч человек, большую часть которых составляли вспомогательные вазир, или наемники. Эти бандиты бежали в самом начале сражения, оставив пушки без защиты, и те были захвачены. Алладад чрезвычайно отличился, спешившись и сам обслуживая одно из орудий после того, как его расчеты разбежались. Он оставался при нем, пока не получил два сабельных удара от Шерин-хана, командовавшего неприятельскими силами и узнавшего его. Лишь тогда его удалось заставить снова сесть на коня и позаботиться о собственной безопасности. Мир был куплен выплатой Шерин-хану одного лакха рупий.

Кроме Така, имеются еще два или три небольших города или крупных деревни и множество меньших поселений, где есть базары. Крепость Дарбарра расположена у входа в про-

ход в горы, в семи косах от столицы. Там взимают сборы с тех лоханийских купцов, которые выбирают этот путь. Говорят, ее стены очень высоки, и издали они производили чрезвычайно странное впечатление; однако я не уверен, не создавал ли его мираж, который здесь постоянен. Идя пешком от Даррабанда до Така, я почти мог вообразить, что путешествую по волшебной стране, настолько фантастическим из-за этого явления становился пейзаж. В непосредственной близости от Така деревни многочисленны. Около Кунди, северного пограничного поста в направлении Банну, они встречаются реже, а оттуда до гор пространство необитаемо и изрезано оврагами.

Так нездоров, особенно для чужеземцев, поскольку вода, которой он снабжается, считается вредной и нечистой. Наваб и его семья пользуются водой из ручья примерно в двух косах от города, которая хороша и полезна для здоровья. Нездоровье Така можно объяснить крайней жарой и его местоположением, а также качеством воды. Обычные плодовые деревья, называемые бер, разбросаны по всей стране и служат характерной чертой всех деревень.

Едва я прибыл в Так, как о моем присутствии сообщили навабу, и по его распоряжению или по распоряжению его сына Алладада меня разместили внутри цитадели и сообщили, что в течение дня меня не будут беспокоить, но на следующий день у меня будет аудиенция у наваба, чему я был рад, поскольку много слышал о нем и о том, что посетителей он обычно не принимает.

Рано следующим утром меня позвали к старому правителю, и после того, как провели через множество ворот и проходов, я оказался в саду, достаточно прекрасном, чтобы целиком завладеть моим вниманием и наполнить меня изумлением при виде столь совершенного зрелища в такой глухой части света. Цветы тысячи оттенков, озера, в глади которых отражались апельсиновые и гранатовые деревья с сияющими плодами, колыхавшимися по берегам, и сотни белых гусей, плававших по спокойной воде, были столь неожиданными и восхитительными предметами, что я не мог не отдать должное вкусу Сирвар-хана; и для полной картины восточного великолепия недоставало лишь присутствия созревших красавиц гарема. Великолепной сцене соответствовала роскошно украшенная комната наваба, куда меня провели и где я увидел его сидящим с тремя сыновьями. Справа стояли на коленях около дюжины слуг с ружьями в руках. Он был тучен, и на его лице лежал отпечаток той энергии, которую признают за ним подданные и соседи. Со мной он был учтив; и, между прочим, спросил, правда ли, что в Лондоне есть базар длиной в триста косов, сказав своим сыновьям, что некий Махомед-хан сообщил ему об этом. Алладад-хан был одет далеко не хорошо, как и второй сын, но младший, Сахибдад, очень красивый юноша и, вероятно, поэтому любимец, был одет великолепно. Сирвар-хан выразил удовольствие от встречи со мной и сказал, что я волен оставаться его гостем сколько пожелаю.

Когда я поднялся, чтобы уйти, Алладад шепнул кому-то провести меня в его дарбар, куда я и отправился и некоторое время его ждал. Когда он присоединился ко мне, оказалось, что он хотел показать недавно отлитую им пушку и несколько изготавливавшихся лафетов. Я обнаружил, что он овладел искусством отливки пушек и был очень хорошим плотником, поскольку его мастерские действительно делали ему немалую честь. Он был необыкновенно любезен, велел мне наслаждаться пребыванием в Таке; и мы расстались.

Я обнаружил, что путешествие в Так вряд ли увеличит мои шансы добраться до Кабула, поскольку не мог получить никаких сведений, на основании которых можно было бы действовать, а когда упомянул об этом Алладад-хану, он сказал, что, если я проживу у него год, после этого он даст мне надежных спутников и гарантирует мое прибытие в Кандагар. На это предложение я согласиться не мог, но мой отказ его ничуть не обидел. Однажды вечером он вернулся домой настолько пьян, что его пришлось поддерживать на лошади. Его сопровождала многочисленная кавалькада, и, проезжая мимо моих помещений, он вдруг вспомнил обо мне и послал за мной. Он настаивал, чтобы я выпил с ним чашу, и велел своим людям достать

кувшины, спрятанные под плащами. Кто-то возразил, что мне, поскольку я не мусульманин, не следует пить из той же чаши, что и хан, но он не пожелал этого признавать. Затем он заставил меня сопровождать его до его помещений; и по дороге, пока он держал меня за руку, а я шел пешком, я немало боялся попасть под копыта его лошади. К счастью, идти было недалеко, и когда мы добрались до его комнат, толпу отпустили, и остались лишь два или три человека вместе с музыкантами. Он был в очень приподнятом расположении духа и настойчиво уговаривал меня остаться с ним, чтобы, как он говорил, делать снаряды, переправиться через реку и напасть на сикхов. Затем он показал несколько картинок, а после этого пел песни Хафиза, но недолго, поскольку новые возлияния вскоре лишили его способности продолжать, и он потерял сознание. В другой вечер за мной послали в такую, или святилище факира, за городом, где, как оказалось, хан устроил пирушку, но, к счастью, прежде чем я дошел туда, он уже свалился, окончательно одолевшись выпитым, и буйное собрание разошлось.

Пока я гостил здесь, прибыл Имнат-хан, вакил от двора Мира Рустама из Хайрпура в Верхнем Синде. Как выяснилось, цель его миссии была не важнее добывания нескольких соколов и верблюдов, однако церемония его представления дала мне возможность увидеть, как устраиваются подобные дела, поскольку Алладад-хан пригласил меня присутствовать. Это происходило в дарбарной комнате, просторном помещении, по стенам которого рядами сидели люди с фитильными ружьями в руках. В верхней части должным образом разместили офицеров и прочих, а для меня приготовили место слева от хана, который вошел после завершения предварительных распоряжений. За ним следовал вакил, которого Алладад обнял и посадил справа от себя. Перед правителем положили сверток с подарками, присланными Миром Рустамом. Его открыли и вынули письмо, которое Алладад прочел и которое вызвало у него многочисленные уверения в уважении и дружбе к правителям Синда. Подарками были обычные шали, муслины, кимхабы, куски ситца и прочее. Меня представили вакилу как феринги, или европейца. Он выглядел очень удивленным и, несомненно, ломал голову над тем, что могло привести меня сюда. Во время беседы музыканты демонстрировали свое искусство и делали это с большим вкусом, поскольку не позволяли инструментам заглушать разговор. Шахгаси, или церемониймейстеры, прежде были заняты рассаживанием посетителей; теперь, при их уходе, они заботливо провозглашали громкими и напыщенными голосами их имена, род и ранг. Алладад-хан по этому случаю был хорошо одет, а его слуги подобострастно обмахивали его пучками павлиньих перьев. Он сидел с вакилом, пока комната не опустела, после чего они вновь обнялись, и представление завершилось.

В Таке я встретил отряд сикхских всадников, направленный Хари-Сингхом для получения с наваба определенной суммы дани. Они были вовсе не столь шумны, как их соотечественники в Дере; по-видимому, в таком удаленном месте и столь близко к горам они считали благоразумным вести себя тихо. Их требование было признано, и наваб содержал их за свой счет, однако горожанам запретили вступать с ними в общение.

Наваб Сирвар-хан редко покидал цитадель, кроме как ради охоты, когда его сопровождал эскорт примерно из ста пятидесяти всадников. Когда он выезжал и когда снова въезжал за ее стены, производили выстрел из артиллерийского орудия. Он убежден в превосходстве земледельческих занятий над торговлей, и рассказывают анекдот о его практическом способе доказать это положение, который можно привести. Беседуя с лохани на свою любимую тему, он приказал принести колос пшеницы, растер его между ладонями и затем пересчитал зерна. Он заметил, что лохани ездит в Дели и Джуанпур, терпя палящий зной и всевозможные лишения, и если, возвратившись домой, он превратил одну рупию в две, то сильнее затягивает тюрбан, упирает руки в бока и мнит себя великим человеком. «Я же, — сказал Сирвар, — спокойно остаюсь дома со своей семьей; за одно зерно пшеницы, положенное в землю, я получаю сорок, или за одну рупию получаю сорок рупий. Чья торговля лучше — моя или твоя?»

Я уже начинал уставать от пребывания в Таке, когда случайно увидел факира, который, узнав, что я хочу отправиться в Кабул, предложил указать мне способ это сделать. Внешность человека мне понравилась, а мой знакомый сказал, что ему можно доверять, поэтому я сразу решил сопровождать его и в тот же вечер покинул вместе с ним Так, почти не зная, куда он меня поведет, но полагаясь на то, что все будет хорошо.

ГЛАВА V.

Рассказ моего спутника. — Мухаммед Резза. — Месяц рамазан. — Брат факира. — Происшествие. — Депутация из Дера. — Переправа через Инд. — Баккар. — Мур Сингх. — Лаикар-хан. — Прощание с Мур Сингхом. — Отъезд в Кунди. — Негодный проводник. — Приём в гарри. — Возвращение. — Встреча с купцами-лохани. — Их расспросы. — Возвращение в Дера. — Отъезд в Даррабанд. — Встреча с крестьянами. — Нахожу спутника. — Достигаю Гандапура. — Округ Даррабанд. — Лохани. — Город Даррабанд. — Отъезд в Так. — Происшествие в пути. — Калаичи. — Мозафар-хан, его войска и проч. — Встреча с вазири. — Иду с ними в горы. — Возвращаюсь с ними. — Снова прибываю в Так.

Мой странный друг и проводник повёл меня через страну, нисколько не заботясь о дороге и ссылаясь на привилегии и беспечность факира; и я успел сильно утомиться, прежде чем поздно ночью мы достигли скопления палаток, где я с удовольствием обнаружил, что моего спутника хорошо знают. Нас приняли и угостили очень хорошо, но люди старались убедить факира, что он поступает неправильно, обременяя себя мною.

На следующее утро мы вновь пересекали страну с тем же пренебрежением к средствам цивилизации и к вечеру достигли деревни близ Куях, где провели ночь. По дороге мой спутник сообщил мне, что он хаджи и всего лишь зависимый человек при более значительной особе, факире Мухаммеде Резза, которого он описывал как богатого и влиятельного человека, являвшегося пиром значительной части племён лохани. Через месяц пир должен был отправиться в Хорасан по гомальской дороге, и хаджи был уверен, что тот охотно возьмёт меня под своё покровительство на протяжении всего путешествия. Далее он объяснил, что был послан с поручением к Сирвар-хану, который обещал отправить его господину лошадь, желая таким приношением обеспечить себе пользу его молитв и благословений.

Покинув деревню, после короткого перехода в три или четыре мили мы достигли другого круга чёрных палаток, где жил факир Мухаммед Резза. Едва ему сообщили о моём прибытии, как он вышел приветствовать меня, и сердечность его приёма полностью оправдала ожидания хаджи. Он обязался проводить меня к себе домой, в Шилгар, откуда, дав своему скоту несколько дней отдыха, отвезти меня в Кабул и вложить мою руку в руку Дост Мухаммед-хана. Мухаммед Резза был высокого роста и грубоватой наружности, но отличался значительной мягкостью в обращении. Соотечественники и зависимые от него люди относились к нему с безграничным почтением и, хвалясь его богатством, не менее охотно превозносили его щедрость. Обычно по утрам вне круга его палаток для него расстилали на земле ковёр, на котором он усаживался, а собравшиеся располагались вокруг него, после чего он писал тавизы, дышал на чётки или на нитяные шнурки, сила которых, по-видимому, нуждалась в частом обновлении. Иногда к нему приводили юношу, который, начав с рыданий, постепенно доводил себя до самых ужасных судорог, после чего благочестивый человек заключал его в объятия, и злой дух либо иная причина возбуждения мгновенно утихала. Подобные представления совершались с полной торжественностью; и, хотя мне удавалось сохранять серьёзность, когда я ловил взгляд факира, обращённый ко мне, мне казалось, что он едва ли ожидает от меня такой же доверчивости, как от окружавшей его толпы.

Наступил месяц рамазан, строго соблюдаемый всеми добрыми мусульманами как время поста; и, поскольку мы должны были отправиться в Хорасан после празднования ида, или праздника, по его окончании факир уехал на несколько дней, чтобы уладить имевшиеся у него в стране дела, вероятно сбор приношений со своих учеников. Перед отъездом он послал за мной и, позвав своего младшего брата, сказал мне, чтобы в его отсутствие я считал того своим рабом и бил по своему усмотрению. Пока он говорил, ребёнок из палаток пришёл сказать, что мой завтрак готов. От меня не требовали поститься, и брат поспешил принести его. Он вернулся

с очень хорошими лепёшками и маслом, после чего факир отвесил ему страшную пощёчину, как оказалось, за то, что тот не принёс сахара. Мне было жаль молодого человека, но исправить случившееся я не мог и получил дополнительное разрешение обращаться с ним как с рабом, бить и пинать его сколько пожелаю. Из этого случая можно заключить, что положение зависимых родственников в мусульманских семьях не слишком завидно; действительно, одним из упреков их общественному устройству служит то, что с такими родственниками обращаются как со слугами.

В другой день этого месяца я забрёл в соседнюю постоянную деревню, где находилась роща деревьев бер. Я пытался сбить несколько плодов, бросая палки и камни, когда заметившая меня женщина вытащила из изгороди крепкую палку и без всякой жалости пустила её в ход против меня, ругая меня как неверного за нарушение поста. Мои возражения, казалось, лишь усиливали её ярость, и я не знал, как поступить, поскольку отвечать насилием было неловко, но, когда я сказал: «Зачем сердиться? Я ференги», она бросила своё оружие, выразила большое сожаление по поводу ошибки и помогла мне сбить плоды, в чём оказалась гораздо искуснее меня. Мы жили в шести или семи милях от Дера-Исмаил-хана, и однажды, находясь близ большой дороги, я встретил наваба, возвращавшегося с охоты. Он был любезен, и я сказал ему, что собираюсь в Хорасан вместе с факиром. Не знаю, упомянул ли он об этом обстоятельстве, но в Дера стало известно, что я живу неподалёку, и ко мне прибыла депутация с просьбой отказаться от мысли о тяжёлом пути вдоль реки Гомал и выбрать более лёгкую и безопасную дорогу через Пешавар, на которой мои знакомые сикхи предлагали мне содействие, если я переправлюсь через реку и пойду вверх по её восточному берегу в пределах их владений. Я отказался, но на следующий день мои друзья из Дера вернулись и были столь настойчивы в своих доводах, что я согласился и вместе с ними возвратился в город, где переночевал в сикхских помещениях.

На следующее утро я переправился через Инд в сопровождении сикха Джуар Сингха и, миновав пески и болотистую землю, непосредственно окаймлявшие поток, вступил в прекрасную богатую страну, покрытую деревьями и возделанными полями. Эта область, лежащая между рекой и пустыней на востоке, прежде принадлежала семье наваба Дера-Исмаил-хана, но её плодородие и целесообразность довести свои границы до Инда были достаточными причинами для занятия её сикхами. Оставляя позади деревню за деревней, мы достигли более крупного города Баккар с красивой крепостью из обожжённого кирпича. Там меня представили килладару, хорошо одетому сикху, который сожалел, что мы так скоро уезжаем, поскольку был готов устроить для меня угощение. Наконец мы добрались до Белы, где я встретил другого сикха, Мур Сингха, начальника ста человек, который вежливо приветствовал меня, и на несколько дней я стал его гостем. До сих пор мой путь шёл не на север, к Пешавару, а на юг, от него, однако мой спутник Джуар Сингх принадлежал к отряду Мур Сингха, который, как было условлено, должен был в надёжном сопровождении отправить меня в Кунди, тогдашнюю ставку сардара Хари Сингха, откуда я мог без труда добраться до Пешавара либо следуя течению реки до Атака, либо переправившись через неё к Калабагу. Задержка в достижении моей цели, возможно, возмещалась удовольствием обозреть прекрасную и роскошную страну, а возможность укрываться от дневной жары в тени рощ и садов, которые здесь сопровождают и украшают города и деревни, доставляла большое удовлетворение. Мур Сингх был почтенным престарелым сикхом с истинно патриархальной внешностью. Я провёл с ним несколько весьма приятных дней в Беле, составлявшей часть его джагира. Вообще сикхи мне также очень понравились, и я мог признать, что во многих отношениях они имеют преимущество перед мусульманами, особенно в чистоплотности, ибо редко можно было увидеть среди них человека, не соблюдавшего её, тогда как мусульманин, казалось, по принципу относился к своей одежде небрежно. В этой части страны я познакомился с Лашкар-ханом, прежде человеком более значительным, а теперь слугой махараджи Ранджит Сингха. Он просил меня в виде одолжения

написать что-нибудь в его книге, чтобы он мог показать это всякому другому европейцу, которого ему доведётся встретить.

Наконец Мур Сингх объявил, что готов ускорить моё отправление к Кунди и предлагает мне ехать вместе с Бовани Дасом, индусским диваном сардара Хари Сингха, который собирался возвращаться к своему господину, чтобы отчитаться в произведённых им денежных сборах. Старый вождь очень сердечно простился со мной, спросил, доволен ли я им, и много раз просил принять деньги, одежду и всё, в чём я нуждался. Я отклонил его предложения, и мы расстались.

Мы возвратились той же дорогой, которой пришли, вновь миновав Баккар. Случилось так, что вместе со своим слугой я разминулся с Бовани Дасом, задержавшимся в какой-то деревне, где следовало свести счета, чего он, возможно, не ожидал. Поэтому в деревне, куда мы прибыли прежде него, нам пришлось ждать три или четыре дня, пока он к нам не присоединился. Когда он явился, я обнаружил, что его сборы ещё очень далеки от завершения, и сообщил о своём желании отправиться немедленно; он согласился и дал мне человека, но, как впоследствии оказалось, совершенно неподходящего, чтобы проводить меня до Кунди, который, как я понимал, находился в сорока косах от того места, где мы были.

Тем не менее мы выступили и совершили длинный переход в двадцать косов, значительная часть которого пролегла через пустыню, за которой началась плодородная и населённая область, где были разбросаны рощи неизвестной мне прежде породы дерева, похожего на осину. В большинстве деревень стояли сикхи, и они много раз задерживали меня, чего не случилось бы, если бы Бовани Дас дал мне подходящего спутника. Оказалось, что он ткач и диван заставил его идти против воли, тогда как ткачей в этих местах по какой-то причине, по-видимому, ценят очень мало. Ночью мы достигли хорошо построенной гарри, окружённой рвом, однако моё прибытие чрезвычайно напугало килладара, или он сделал вид, что напуган, и он запер ворота, словно ожидал нападения. Прошло около двух часов, и, убедившись, что я веду себя совершенно спокойно, несколько солдат-хиндустанцев отважились выйти из крепости и приблизиться ко мне. Я объяснил, что направляюсь в лагерь Хари Сингха и что причин для тревоги почти нет, после чего они вернулись к килладару и вскоре снова пришли, сказав, что он желает приготовить мне ужин; я отказался.

Утром, принимая во внимание приключения минувшего дня и бесполезность моего проводника, которая, если я пойду дальше, подвергнет меня новым приключениям, я решил, пока ещё могу, повернуть назад и вновь присоединиться к Бовани Дасу. Поэтому я отправился обратно, но не совсем той же дорогой, на этот раз избегая пустыни или лишь огибая её край. К вечеру мы достигли большой деревни, где находился сикхский отряд, не слишком склонный к любезности, однако я встретил двух купцов-лохани, которые, как только узнали во мне ференги, пригласили меня в своё жилище и предложили быть их гостем. Эти люди путешествовали по Индии, продавая свои фрукты и лошадей, и поэтому в некоторой степени знали европейцев. Они громко восхваляли европейскую справедливость и щедрость и заявляли, что счастливы оказать дружбу всякому встреченному ими человеку этой нации. Они сообщили мне, что продали кобыл Фати Сингху Алуавале, что тот выдал им распоряжение получить деньги в деревне, которой владел, и что теперь они ожидали их получения. Эти люди очень щедро меня угощали и чрезвычайно хотели, чтобы я объяснил, что мои соотечественники делают с собачьими головами, поскольку в Индии они видели, как люди убивают этих животных ради того, чтобы продать их головы господам. Я не мог понять, что они имеют в виду, а они предположили, что головы, возможно, употребляют для приготовления лекарств, и лукаво заметили, что уж никак не в пищу.

Я не мог ни разгадать эту загадку, ни убедить их, что не скрываю от них своего знания. Позднее, размышляя о том, какое обстоятельство могло произвести столь сильное впечатление на воображение этих лохани, я вспомнил обычай в определённые времена года отстреливать

бродячих собак в военных поселениях из опасения, что они могут быть бешеными или сделаться такими. Те же люди заметили обычай производить ружейные залпы на военных похоронах и совершенно серьёзно спросили, не означает ли это угрозу небесам на случай, если души погребённых не будут приняты.

На следующий день я нашёл Бовани Даса в деревне, где оставил его, и, вернув ему его проводника-ткача, снова переправился через реку и возвратился в Дера.

Теперь я решил идти прямо к горам, выбрав своим ориентиром разрыв в них, который мне всегда показывали как обозначающий Даррабандский проход. Я надеялся снова встретить факира Мухаммеда Резза, хотя с тех пор, как я покинул его палатки, могло пройти немного больше месяца. Я вышел до восхода солнца, и утро было прохладным и приятным. Научившись у моего друга хаджи презирать дороги, я двинулся прямо через страну и шёл в прекрасном расположении духа. Вблизи Дера джангала мало, и немногие кусты карита, разбросанные по равнине, теперь были покрыты красивыми красными цветами. Однако этот восхитительный пейзаж длился недолго, и я вышел на голую поверхность, где едва находилось растение или куст, способные внести какое-либо разнообразие, а жара, как всегда в этой стране вскоре после восхода солнца, становилась сильной. Всё же я не ослаблял шага и уже проделал значительный путь, когда меня соблазнили два или три куста крупнее обычных, к которым я свернул и, к своему удовлетворению, обнаружил то, чего почти не ожидал, но чего желал, — небольшой водоём. Вода была очень мутной, но пить её было можно. Я прошёл ещё гораздо дальше, когда вдали различил двух юношей и пасущихся верблюдов. Я направился к ним; и, когда приблизился, они явно были поражены и моим появлением, и моей внешностью. Младший хотел убежать, но старший остановил его и дождался меня. Я не очень хорошо их понимал, но видел, что причиной страха был цвет моей кожи. Младший парень, по-видимому, считал меня дэвом и ни за что не хотел приближаться, хотя другой уверял его, что я всего лишь человек и бояться нечего. Последний попросил меня вытянуть руку, и, поскольку я решил, что он хочет таким образом успокоить своего товарища, я подчинился, после чего он схватил меня за запястье и, выкрутив его, повалил меня на землю, не оставив возможности сопротивляться. Он позвал своего приятеля подойти и осмотреть узел, который я нёс за спиной, однако никакие уговоры не могли рассеять страх мальчика, и тот держался в стороне. Этот негодяй всё сильнее выкручивал мне запястье, пока я не закричал, что я нукар, или слуга, наваба; услышав это, он внезапно отпустил меня и отошёл, позволив мне подняться на ноги. Увидев, что упоминание наваба его испугало, я пригрозил ему всяческой мезстью, после чего он указал на своих верблюдов и спросил, не хочу ли я выпить молока. Я спросил, есть ли у него пиала, или чаша, и понял, что он намеревался надоить молоко мне прямо в ладони, от чего я отказался, поскольку тем самым поставил бы себя в положение, которое могло склонить его ещё раз воспользоваться преимуществом. Я прошёл недалеко, когда появился небольшой джангал, и вскоре достиг деревни, которую, как я понимал, должен был встретить на своём пути, что было приятно, поскольку доказывало, что я не отклонился от правильного направления. Я не остановился там и вновь вышел на ровную поверхность, которую пересекал до вечера, не встретив ни одного человека и не увидев никаких следов жилья. Я всё ещё шёл, когда на большом расстоянии заметил человека, который двигался пешком и был явно вооружён. Он пересекал мой путь, однако я направился к нему и в конце концов подошёл совсем близко, прежде чем он вообще меня заметил. Я заставил его вздрогнуть, обратившись к нему со словами «Салам алейкум», однако он быстро оправился от удивления и ответил на моё приветствие. Я обнаружил, что он тоже чужой и, хотя направлялся в какую-то деревню, едва ли знал, находится ли на дороге к ней; поэтому, оказавшись в одинаковом затруднении, мы охотно согласились искать её вместе. Я сразу сказал ему, что я ференги, что ничуть не уменьшило его любезности. Мы наткнулись на гнездо какой-то крупной птицы, в котором лежали два или три яйца. Мой спутник взял одно из них, внимательно осмотрел, произнёс несколько благочестивых восклицаний и затем осторожно положил

обратно. Достигнув группы высоких деревьев, он взобрался на одно из них, чтобы посмотреть, видна ли деревня, которую он искал, и мы добрались до неё лишь в темноте. Там у него был знакомый, в доме которого нас обоих устроили на ночь.

Утром я пошёл вместе с двумя лохани, направлявшимися в Гандапур, которого мы достигли после короткого, но трудного перехода. Здесь живёт Омар-хан, вождь лоханийского происхождения. Его доход составляет около шестидесяти тысяч рупий, из которых двадцать тысяч он платит навабу Дера. Древняя столица округа — Даррабанд, романтически расположенный на возвышенном берегу горного потока. Омар-хану принадлежат тринадцать деревень. Они не могли бы давать ему доход в шестьдесят тысяч рупий; но большая его часть получается от племён лохани, которые ежегодно приходят и остаются в этой части страны в холодное время года. Они селятся, более или менее, по полосе к западу от Инда, между рекой и горами. В Даррабанде их особенно много, и здесь, как и в других местах, они платят определённую сумму за разрешение поселиться и за право пасти своих верблюдов. В этом округе с наступлением весны различные племена собираются; их торговцы, разошедшиеся по Пенджабу и Индии, возвращаются; после чего объединёнными группами они идут через округ Так и, уплатив пошлину его вождю у крепости Дарбарра, вступают в горы и, силой прокладывая себе путь через населяющие их орды вазири, направляются к Хорасану. Затем купцы расходятся по соседним областям, вплоть до Бухары, продавая свои товары и изделия и закупаая лошадей, фрукты и красильные вещества для предприятий следующего года. Омар-хан содержит на жалованье сто восемьдесят пехотинцев.

Лохани отвели меня в свой хель, или скопление палаток, где меня хорошо приняли, однако я с сожалением узнал, что Мухаммед Резза уехал несколькими днями ранее. Богатый купец Джехан-хан взял на себя заботу о моём угощении, и я оставался несколько дней в Гандапуре; но, обнаружив, что скорого выступления отряда ожидать не приходится, поскольку он дожидался некоторых своих людей из Хиндустана, я отправился в Даррабанд, находившийся в трёх или четырёх косах, который мне хотелось увидеть. Этот город имеет небольшой базар и несколько больших старых домов, однако они покинуты и разрушаются, поскольку их прежние индусские владельцы бежали. Вода горного ручья считается нездоровой, и жители снабжают себя водой из небольшого канала, текущего к северу от города. Окрестности приятны, и жара, хотя и сильная, не показалась мне столь изнурительной, как в Дера. Горы находятся приблизительно в двух косах, а промежуточное пространство заполнено оврагами и пересечённой местностью. В саду Омар-хана есть несколько виноградных лоз и фиговых деревьев, а в некоторых соседних деревнях выращивают мелкие яблоки невысокого качества. Посевы, главным образом пшеница, обычно находятся далеко от деревень; и во время жатвы жители покидают свои жилища до тех пор, пока урожай не будет собран. В это время существует значительная опасность со стороны вазири — этим названием здесь, по-видимому, именуют все горные племена, — которые спускаются вниз и не только грабят, но и убивают. Даррабанд часто посещался этими разбойниками. Во время моего пребывания здесь все спали на крышах домов в качестве меры предосторожности, не забывая вытягивать наверх лестницы, по которым поднимались.

Муса-хан, житель Даррабанда, принял меня в своём доме, и я провёл несколько дней под его крышей; но, не получая никаких известий о приближении купцов-лохани, я решил снова отправиться в Так хотя бы лишь для того, чтобы увидеть лежащую между ними страну, поскольку уже убедился, что могу совершенно свободно передвигаться. Мой путь шёл вдоль подножия гор, и деревни попадались на расстояниях четырёх, пяти и шести косов одна от другой. Меня везде приветствовали, однако в одной из них мне сказали, что Бог, должно быть, был со мной, иначе я никогда не смог бы до неё добраться, поскольку ни один местный житель не отважился бы пройти, как я, один из страха перед вазири. Дорога именно к этой деревне была чрезвычайно пустынной и проходила через глубокие овраги и расселины, покрытые высокой густой травой и джангалом. Во время пути я не опасался людей, но временами размышлял о

том затруднении, в котором оказался бы при встрече с дикими кабанами и другими свирепыми животными, которых, как я знал, здесь было достаточно много. В другой деревне молодой человек попросил меня дать ему амулет, который обеспечил бы любовь прекрасной девушки, в которую он был влюблён, или, как он выразился, заставил бы её следовать за ним как собака. Чтобы удовлетворить его, мне пришлось написать что-то на бумаге, чем он остался настолько доволен, что не только был очень услужлив, пока я оставался там, но и проводил меня две или три мили по дороге, когда я ушёл.

Наконец я достиг деревни, зависевшей от Калаичи, небольшого округа, расположенного между землями Даррабанда и Така и управляемого вождём Мозафар-ханом. Город Калаичи находился приблизительно в шести косах к северу, и мне несколько хотелось его посетить, однако обстоятельства помешали. Говорят, что он торговый, имеет большой базар и что товары там продаются по более умеренным ценам, чем в Дера. Доход Мозафар-хана исчисляется в восемьдесят тысяч рупий, из которых двадцать тысяч выплачиваются навабу Дера. В экспедиции против Марвата, предпринятой из Дера по наущению сикхов, он участвовал с отрядом в семьсот человек. Однако едва ли он способен постоянно содержать на жалованье столь большое число людей и, вероятно, по этому случаю вывел все силы своей страны, где владельцы земель держат их на условиях военной службы. Кроме того, следует помнить, что жители этих стран считают себя слугами своих соответствующих князей и благодаря своим воинственным склонностям легко собираются в войско. Округ Калаичи включает не слишком много деревень: восточная его часть плохо обеспечена водой, а западная, простирающаяся до гор, состоит из оврагов и густого джангала, кроме того, подвергаясь набегам разбойников-вазири. В джангалах множество диких кабанов, и охота на них служит главным развлечением хана. Дыни, обычные во всех этих странах, в Калаичи особенно хороши.

Однажды рано утром я достиг деревни, где обнаружил большую группу мужчин, сидевших на чахарпаях, или кроватях, и, по-видимому, бывших чужаками. Я присоединился к ним, и, хотя не понимал наречия, на котором они говорили, они пригласили меня сесть и передали несколько кусков лепёшек, которыми только что закончили трапезу. Один из них, говоривший на хиндустани, обратился ко мне и убрал положенные передо мной куски лепёшек, объяснив своим товарищам, насколько я мог понять, что такая пища не подходит мне, поскольку я ференги. В результате приготовили свежие лепёшки и подали их с маслом и сахаром. Многие в компании были расположены пошутить и делали движения, словно перерезают человеку горло или стреляют из лука, на что мне оставалось лишь смеяться, как смеялись они сами. Человек, говоривший на хиндустани, казался среди них занятой и важной особой и постоянно находился в движении; поэтому я видел его мало, но, когда они приготовились уходить и некоторые, как я смог понять, предложили мне отправиться с ними, я попросил его сказать, кто они и куда направляются. Он ответил, что они живут в горах, но затем вернутся в деревню. У меня появилось некоторое желание пойти с ними, которое усилилось, когда я увидел, как они выглядели верхом, ибо оказалось, что на каждом был своего рода кафтан или сюртук из красного стёганого полотна, подбитый жёлтым, и, поскольку вооружены они были лишь копьями, саблями и щитами, общий вид был весьма недурён, а я удивлялся, откуда могли явиться такие люди. Поэтому я смешался с немногими пешими, и до самого вечера мы совершали чрезвычайно утомительный переход среди холмов, после чего остановились в месте, где протекал ручей. Там мы остались, причём большая часть отряда разошлась, и провели следующий день. Для одного из них принесли чахарпай и поставили под выступом скалы, были также доставлены превосходные лепёшки и масло, так что жильё, вероятно, находилось неподалёку, хотя я его не видел. Когда солнце поднялось в зенит, я пожаловался на жару, и человек, которому принадлежал чахарпай, уступил его мне, после чего меня оставили одного. На следующее утро мне знаками велели подняться, и я обнаружил, что нам предстоит возвращаться, что мы и сделали, снова достигнув деревни, из которой вышли. Я и прежде заметил, насколько предупредительны были

жители деревни с этими людьми, а теперь они с большой поспешностью принесли чахарпаи. Однако надолго они не понадобились, поскольку отряд после короткой остановки отправился в Калаичи, оставив меня продолжать путь к Таку. Когда они ушли, жители деревни рассказали мне, что это были воры и вазири, так что их собственная любезность объяснялась страхом. Далее они сообщили, что несколькими днями прежде отряд этих людей пытался перехватить Мозафар-хана во время охоты, но столкновение оказалось для них неудачным, поскольку хан захватил в плен двух или трёх из их числа. Люди, которых я видел, направлялись с поручением добиться освобождения своих товарищей, содержащихся в Калаичи. Жители деревни спросили меня, как я, человек разумный, мог пойти вместе с ними в горы, и я ответил, что мой разум подсказал мне, что они не причинят мне вреда, поэтому я и пошёл с ними.

Я оставался в этой деревне весь день, а на следующее утро вступил в округ, зависевший от Така; отсюда, переходя из деревни в деревню, я снова оказался в столице Сирвар-хана, хотя не сообщил о своём прибытии ни ему, ни его сыну Алладад-хану, поскольку не намеревался задерживаться.

ГЛАВА VI.

Замечания. — Различные пути. — Отъезд из Така. — Приём в деревне. — Происшествие. — Попытка ограбления. — Сайид из Пешавара. — Кунди. — Правитель. — Тревога. — Холмы Марвата. — Прекрасный вид. — Сефед-Кох. — Деревня Марват. — Устройство домов. — Хороший приём. — Лакки. — Разбойники. — Наггар. — Малик, его поведение. — Спор. — Радующие жителей. — Состояние общества. — Училивость малика. — Он желает, чтобы я остался. — Ссора. — Агенты Мир Камарадина. — Упущенная возможность. — Политические отношения Марвата. — Земледелие и проч. — Характер народа. — Состояние власти. — Преимущества Банну. — Позы. — Одежда. — Любовь к родине. — Правительство. — Его соответствие состоянию общества. — Прежнее состояние Банну. — Следы древнего процветания. — Ремёсла. — Махараджа Ранджит Сингх.

К этому времени я настолько убедился, что могу свободно странствовать среди грубых племён и народов этой части страны, что перестал заботиться о поиске спутников. Кроме того, я обнаружил, что нет никакой необходимости скрывать, что я ференги, и что, напротив, признание этого обеспечивало мне лучшее обращение. Жители деревень были спокойны и миролюбивы и считали своим долгом помогать в нуждах чужеземцу и путешественнику. Среди них нечего было опасаться, а небольшие неприятности, если и случались, возникали от случайных встреч с отдельными людьми на дороге. Поэтому теперь в Таке я расспрашивал лишь о различных путях, которыми можно было добраться до Пешавара; и из того, что я слышал о дороге через Банну, я склонился выбрать её, невзирая на указанные опасности, поскольку уже научился оценивать их и приобрёл уверенность, которая сама по себе значительно уменьшает их.

Обычная дорога из этой части страны в Пешавар идёт вдоль берегов Инда до Кала-Бага, знаменитого своими соляными горами, а оттуда через Шакр-Дарру в Кохат, в Бангаше. Мне советовали следовать этим путём как потому, что он считался более безопасным, так и потому, что я, вероятно, мог получить всякую помощь от Ахмед-хана, вождя Иса-Хеля, города на дороге к югу от Кала-Бага, который питал такую склонность к ференги, что слава об этом разнеслась по всей стране. Поскольку миссия мистера Эльфинстона в 1809 году прошла этим маршрутом, я решил избрать мало посещаемый путь через Марват и Банну.

Репутация патанов, населяющих эти страны, такова, что факиры, или нищие, боятся туда заходить. Вверив себя Божественному Провидению, я решил отдаться в их руки и однажды вечером повернулся спиной к городу Так и один вышел на дорогу. Пройдя на север около пяти или шести миль, я оказался близ деревни, когда собрались тучи и стал угрожать дождь. Я сел под кустом карита, пока шёл ливень, продолжавшийся до приближения ночи. Тогда я покинул своё убежище и вошёл в деревню, чтобы найти место для ночлега и отдыха. Я обнаружил группу людей, сидевших в небольшой хижине, или навесе. Один из них заговорил со мной и расспросил о моей стране и религии. Услышав, что я европеец и христианин, он сообщил своим товарищам, что Хазарат Иса, или наш Спаситель, был асил, то есть настоящий патан. Это приятное сообщение обеспечило мне самый сердечный приём и возбудило некоторое любопытство, для удовлетворения которого разожгли огонь, чтобы лучше рассмотреть мои черты. Мне принесли лучшее угощение, какое могла предложить деревня, и в таком количестве, что я вынужден был просить пощады. Утверждавший патанское происхождение нашего Спасителя, оказавшийся сайидом, особенно хлопотал обо мне и устроил мне уютное место для сна, снабдив большим количеством тёплой одежды.

Утром переход в четыре или пять косов вывел меня за пределы деревень Така, и я направился прямо через страну к разрыву в окружающих её холмах, через который, как мне объяснили, шла дорога в Марват.

Дойдя до возделанного места без жилья, где несколько человек были заняты жатвой, я спросил у них дорогу. Они настойчиво убеждали меня не отваживаться идти одному, потому что меня непременно убьют. Их доводы были столь убедительны и произносились столь серьёзно, что я последовал их совету и свернул на запад, намереваясь попасть в небольшой городок и крепость Кунди, которые они назвали и откуда, поскольку большая дорога вела через него в Марват, я мог, вероятно, найти спутников для пути. По дороге туда я встретил человека, который обнажил саблю и уже собирался принести меня в жертву как неверного сикха. Я едва успел сказать ему, что я ференги, как он немедленно вложил оружие в ножны и, дружески обняв меня за талию, повёл в находившуюся неподалёку деревню, где меня гостеприимно угостили. Здесь я узнал, что Кунди находится в одном косе, и потому снова отправился в путь. Когда я подходил к нему, старик, пасший коз, схватил небольшой узелок, который я нёс. Я возражал ему насколько мог и просил не вынуждать меня применять силу, чтобы заставить его отпустить добычу, одновременно уверяя, что не намерен позволить ему забрать узел, но он, казалось, упорствовал в своём намерении. У него была лишь палка, и я легко мог бы одолеть его, однако стыд удерживал меня от того, чтобы ударить столь старое и немощное существо. Появились другие люди и избавили нас от необходимости борьбы. Они спросили, кто я, и, услышав, что ференги, оттолкнули старика и укорили его за дерзость. Он поклялся своей мусульманской верой, что не собирался грабить и полагал, будто я индус. Меня отвели в деревню и угостили хлебом и пахтой. Здесь, к моему большому удовлетворению, мне сообщили, что в деревне находится отряд, который утром отправится по той самой дороге, по которой намеревался идти я, а целью его путешествия был Пешавар. Я обнаружил, что отряд состоит из сайида из Пешавара и его спутников, а также мунши Сирвар-хана, вождя Така, который, помимо прочих вещей, вёл двух прекрасных верблюдов в подарок Султан Мухаммед-хану, одному из пешаварских сардаров. В Таке я слышал об этом сайиде, но понимал, что он был посланником Ахмед-шаха, мнимого защитника ислама в стране юсуфзаев, и что его целью было получить от старого Сирвара средства в помощь благому делу. Теперь я узнал, что он являлся агентом Султан Мухаммед-хана, что, однако, не мешало ему употреблять старания для поддержки замыслов воинственного сайида, хотя тем самым он не заботился ни о желаниях, ни о выгоде своего сюзерена и господина. Великим людям в этих странах служат весьма посредственно.

Когда я засвидетельствовал своё почтение сайиду, он принял меня с величайшей любезностью и заверил в помощи и защите на всём протяжении путешествия. Я счёл большой удачей встречу с этим человеком, поскольку в его обществе исчезали все сомнения и опасения относительно опасностей дороги. В Кунди имелаась крепость, служившая резиденцией Ахмед-хана, правителя, почтенного человека, которого можно было считать тем, чем он сам назвал себя сайиду, — добрым патаном и верным вассалом Сирвар-хана. У него был гарнизон из ста человек, поскольку Кунди являлся пограничным постом со стороны Банну. Нам представился случай увидеть, что в этом была необходимость, ибо к вечеру ударили тревогу и солдаты поспешили на равнину: разбойники из Банну вышли из своих холмов и приблизились к месту. Однако они отступили, и Ахмед-хан, прежде чем возвратиться в крепость, упражнял немногочисленных конных слуг в стрельбе из фитильных ружей и владении копьями. Большая часть его солдат была пешей, люди невысокого роста, одетые в чёрные или тёмные одежды. Это были рохиллы, или афганские горцы. Вечером нам подали угощение из птицы, поскольку Ахмед-хан принял отряд как гостей; а рано на следующее утро мы выступили в Марват в сопровождении проводника.

Переход приблизительно в семь косов по довольно хорошей дороге привёл нас ко входу в проход через холмы, где наш проводник попросил отпустить его, ссылаясь на страх идти с нами дальше. Проход через эти холмы, невысокие, был в целом широким и удобным. Примерно на середине пути находилось несколько естественных колодцев, или углублений в ска-

лах, где множество мужчин и женщин были заняты наполнением водой своих машаков, или кожаных мехов. Их перевозят на ослах и волах. Эти люди пришли сюда с расстояния в пять или шесть косов и принадлежали к деревням на равнине Марвата. Вода, возможно, была хорошей и здоровой, но на вкус неприятной, поскольку сильно пропиталась запахом многочисленных кожаных мехов, постоянно погружавшихся в неё. Одна женщина узнала во мне ференги по шапке, которую я носил; это узнавание вызвало лишь немного безобидного веселья.

Когда мы поднялись на последнюю высоту этой небольшой цепи холмов, на которой находилось обширное кладбище, перед нами внезапно открылись равнины Марвата и Банну. Многочисленные деревни, отмеченные каждая своей группой деревьев, жёлтые оттенки созревших хлебных полей и причудливые формы окружающих гор, соединяясь и контрастируя друг с другом, составляли великолепную картину. Впереди и к западу отдалённые хребты представляли великолепное зрелище своей чистой белизной, разнообразимой полосами лазури, красного и жемчужно-серого цветов. Эти прекрасные и величественные черты пейзажа усиливались очарованием безоблачного неба. Созерцая это спокойное и вместе с тем роскошное проявление природы, я погрузился в изумление и восторг и очнулся от задумчивости лишь затем, чтобы пожалеть, что злодейство человека превращает в ад то место, которое Творец задумал как рай, — мысль, невольно возникшую у меня, когда я вспомнил о беззаконных племенах, живущих среди этих прекрасных мест или кочующих по ним.

Отдалённые горы, которые отсюда выглядели столь выгодно, были, как я предполагаю, снежным хребтом Сефед-Кох, отделяющим Хурам, или страну джаджи и тури, от долин Джелалабада, вместе с разноцветными холмами, тянущимися к западу от Кала-Бага и содержащими соляные копи.

Три или четыре коса привели нас к первой деревне на равнине, которую мы миновали, а затем последовательно прошли несколько других. На этом участке пути я подошёл к нескольким жнецам, работавшим в стороне от дороги, чтобы попросить воды. Узнав, что я ференги, они потрудились принести её, причём вода была прохладной и до этого стояла в тени. Наконец мы вошли в деревню, где нашли людей, сидевших группой на специально насыпанной земляной площадке рядом с мечетью, или местом молитвы, разговаривавших и кутивших чиллам. Подобные площадки имеются во всех деревнях Марвата и служат тем же общественным целям, находясь в одном и том же месте, а именно близ мечетей. Наш сайид объяснил собравшимся цель путешествия, сделавшую его их посетителем, и для всего отряда принесли пахту. Дома были аккуратно построены главным образом из камыша, поскольку климат и отсутствие дождей делали более прочные жилища ненужными. В этой, как и во всякой другой деревне, имелись два или три индусских баньяна. Ещё два коса пути, во время которого мы прошли мимо большого пруда мутной дождевой воды, привели нас в деревню, где мы остановились, чтобы укрыться от дневной жары, ставшей очень сильной.

Здесь меня приняли хорошо, и я привлёк большое внимание. Меня одного разместили в мечети, тогда как моих товарищей по отряду устроили в других местах. Это строение было аккуратно и удобно возведено на возвышении; мне дали чахарпай, или кровать, для отдыха и принесли большие запасы хлеба и молока для трапезы. Кроме того, привели деревенского цирюльника, который подстриг ногти на моих руках и ногах, поскольку сочли, что они нуждаются в такой операции; а мои друзья из деревни продолжали оказывать мне разнообразные знаки внимания, против моей воли массируя меня, но убеждённые, что мне непременно должно нравиться то, что нравилось им самим, пока я не дал понять, что хотел бы немного отдохнуть.

После полудня мы покинули эту деревню и направились в Лакки, город примерно в шести косах, к которому равнина постепенно понижается, а в углублении течёт река Хурам. Немного дальше деревни мы спустились в огромный и очень глубокий овраг; при переходе через него жара была столь сильна, что пот лил обильно. Этот разлом, по-видимому, пересекал страну с

востока на запад. Вечером мы прибыли в Лакки; слева тянулись две или три деревни и большие пространства возделанной земли. Это город с довольно хорошим базаром, расположенный на реке Хурам, прекрасном потоке. Его можно назвать беззащитным; жилище главной власти, называемой здесь маликом, хотя и именуется килла, или крепостью, этого названия не заслуживает.

Наш отряд был принят маликом, и на ужин мы ели птицу и плов. Утром нам дали конного проводника, вооружённого саблей и копьём, чтобы проводить нас к деревням Банну. Перейдя реку, которая в это время года, думаю примерно в мае, была глубиной лишь по колено, мы поднялись по пологому склону противоположной равнины, на которой стояла деревня. Наш сайид не счёл разумным входить туда, однако проводник отправился туда, чтобы получить некоторые сведения о дороге, прежде чем мы попытаемся по ней идти. Результат, как я полагаю, оказался удовлетворительным, и мы двинулись через бесплодную необитаемую равнину длиной примерно в десять косов, местами отмеченную низкорослыми кустами и карликовыми деревьями, главным образом мимозами. В одном месте находились две или три ямы с мутной водой, достаточной, чтобы утолить жажду случайного путника, но неспособной обеспечить потребности больших отрядов. Миновав большое кладбище, мы приблизились к деревням Банну. Дойдя до места, где имелись скопления мутной дождевой воды, мы встретили шесть или семь разбойников, вооружённых до зубов. Однако они не напали на нас, хотя явно высматривали добычу, поскольку отряд находился под защитой святости сайида, чей священный характер им сообщили. Им также сказали, что я ференги; и, когда я собирался набрать воды из лужи, у которой они стояли, они любезно указали другое место, где вода была чище, или менее мутной. Отсюда поверхность равнины стала несколько более лесистой, хотя всё ещё мало. На дороге мы встретили человека с топором в руке, который, услышав от нас об отряде, оставленном у воды, повернул назад; он был очень благодарен за сведения и сказал, что иначе потерял бы свой топор. Там, где равнина заканчивалась, мы снова пересекли реку Хурам. Здесь её течение было быстро по каменистому ложу, но глубина невелика. Затем мы вышли на возделанную землю, к деревням и крепостям. Когда мы проходили мимо них, жители, обычно сидевшие снаружи у ворот, вставали и приветствовали нас, судя по степенному виду сайида и по его белому тюрбану, что он потомок Пророка или, подобно таковому, имеет притязания на святость; возможно, они также понимали, что никакие чужаки, кроме наделённых священным характером, не осмелились бы войти к ним. Мы остановились в городе Наггар, довольно значительном и окружённом стеной, однако его укрепления, сильно повреждённые временем, оставались без ухода. Базара я не видел, но заключил по числу замеченных индусов, что он довольно велик. Перед тем как достичь Наггара, мы миновали большой лагерь вазири, пришедших сюда ради пастбищ, которых было в изобилии. Нас должным образом разместили, а малик пришёл посидеть с нами, приведя музыкантов и сокольничих — последних, чтобы показать своё положение, а первых, чтобы разогнать нашу скуку. Это был молодой человек, ярко одетый в шёлк кричащих цветов и довольно легкомысленный в манерах. Он обратил внимание на меня и среди множества вопросов спросил, что я желал бы получить к вечерней трапезе. Его удивило, что мне подходит всё, что приготовят для него самого. Далее он попросил меня написать ему что-нибудь, что можно было бы носить на шее как амулет. Не желая отнимать ремесло у моего спутника-сайида, я заявил, что не обладаю ни сверхъестественной силой, ни тайным знанием. Тогда сайид нацарапал что-то на клочке бумаги, который малик почтительно принял. Раздача амулетов и средств против несчастных случаев и болезней служит одним из способов, которыми сайиды и другие люди пользуются для воздействия на доверчивость невежественных, которые, однако, весьма охотно позволяют себя обманывать.

Всё шло весьма дружелюбно, когда один солдат узнал в лошади такского мунши, или вакиля, как тот теперь себя называл, животное, некогда украденное у него самого. Последовали долгие споры: люди Наггара требовали отдать лошадь, а мунши отказывался, утверждая, что

его господин, наваб, купил её. Этот спор задержал нас на следующий день; и нам не позволили отправиться и днём позже, пока не были выданы бумаги и не договорились, что кто-нибудь отправится в Так для получения стоимости лошади. С этой лошадью была связана одна особенность: люди называли её «лошадью ференги», потому что на ней были выжжены цифры и крест. Как они утверждали, её забраковали для кавалерийской службы в Индии. По этой причине они часто обращались ко мне и настаивали, что эти знаки не позволяют им ошибиться относительно животного.

Когда это дело было улажено, мы продолжили путь; и в этот день, двигаясь через хорошо возделанную страну, почти каждый встреченный нами человек приветствовал нас сердечным рукопожатием и пуштунским приветствием «Уркала рази», то есть «Добро пожаловать». Я не знал, как совместить такое дружелюбное поведение с репутацией свирепости, которую слышал об этих людях, и был рад обнаружить, что, если вне своей страны они непримиримы, дома обладают учтивостью. Каждый отдельный дом здесь на равнине, если он не находится в городе, где многочисленность даёт чувство безопасности, действительно представляет собой укреплённую крепость; и, по-видимому, существующие в обществе распри делают обязательным для каждого человека принятие мер предосторожности ради собственной безопасности. Сторонник анархии, созерцая столь непрочное состояние общества, мог бы научиться ценить преимущества, даруемые мягким и хорошо устроенным правительством, и, возможно, согласился бы уступить немного своего естественного права, предпочтя это существованию в состоянии распущенной независимости, подобно дикому жителю Банну, который постоянно и боится других, и сам внушает страх.

Около домов, или крепостей, обычно находились небольшие рощицы тутовых деревьев, а иногда среди них встречались несколько слив и виноградных лоз. Воды было чрезвычайно много, и по земле её проводили бесчисленные каналы. В этот день мы остановились в другом довольно большом городе и были любезно приняты маликом. Он был со мной очень вежлив, желал, чтобы я некоторое время оставался у него и отдохнул, указывая на тяготы долгого перехода через лежащие впереди холмы, который, по его словам, я не смогу совершить, поскольку мои ноги уже покрылись волдырями. Он заверял, что мне окажут всяческое внимание и что каждый день для моей пищи будут давать козу. По-видимому, он считал, что ференги пожирают огромное количество мяса. Вечером он приказал нескольким своим людям пострелять по мишени ради моего развлечения; и одной из причин, по которым он желал, чтобы я остался, думаю, было то, что я мог бы научить его людей всегда попадать в цель, чего, судя по наблюдаемому мною теперь их искусству, им никогда не удавалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.